Модест Колеров

ТОТАЛИТАРИЗМ

Русская программа для западной доктрины

М.А. Колеров

ТОТАЛИТАРИЗМ

Русская программа
для западной доктрины

Издание книжного магазина «Циолковский»
Москва
2018

Вместо введения

Кто и зачем применил азбуку тотальности к утверждению тотальных, тоталитарных претензий власти, а затем — кто был назван «тоталитарным» и как это принято понимать — общедоступные словари объяснили давно.

Но почему и как *тотальность, тотальная война, социальный контроль* и *биополитика* индустриального капитализма, детально и критически изученные и изучаемые до сих пор мировым общественным знанием, превратились в клеймо, инструмент политической пропаганды под именем «*тоталитаризма*», который по-прежнему преследует свободное исследование диктатур середины XX века в Германии, Италии и СССР?

Как это острое, точное, эвристическое знание, полное скепсиса и пафоса свободы, превратилось

в агитку и комикс, примитивные в устах даже признанных гуру мировой мысли XX века?

Как этот лицемерный, избирательный, чёрно-белый лубок избежал разрушительной деконструкции в трудах многочисленных интеллектуальных революционеров и до сих пор не стал синонимом заведомой политической лжи?

Кто не хочет видеть себя в зеркале тотальности Просвещения и Модерна: и упорно подменяет их самоанализ — мифологией чуждого, самопроизвольного, самодостаточного зла «тоталитаризма»?

Русские первыми критически стали рассказывать о себе в категориях тотальности, не отделяя большевистскую Россию от всемирного индустриализма и Нового Средневековья, но логика мировой политической борьбы не терпит сложности. И из русского многословного покаяния был выточен острый инструмент именования, клейма и казни. Об этом — настоящая книга.[1]

---

[1] Первый её очерк в сокращённом виде см. в статье: *Модест Колеров*. Русские и партийные корни западной доктрины «тоталитаризма» // Революции 1917 года в России и славянские народы Европы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Прага, 2017. С. 73–100 (здесь и далее примечания автора).

Тотальность и либертарианское клеймо «тоталитарности»

«Я знаю силу слов», — сказал великий революционный поэт Владимир Маяковский. И мировая, отечественная, в том числе — самая материальная история даёт многочисленные примеры, подтверждающие это признание.

После окончания Первой мировой войны, всеми тогда же признанной первой **тотальной войной** в истории человечества, то есть войной, в которой для военных целей мобилизованы **все** наличные экономические и демографические силы государства, а общество поставлено под чрезвычайный политический и идеологический контроль[2], в политический

---

[2] См. об этом подробно: *М.А. Колеров*. Сталин от Фихте к Берия. Очерки по истории языка сталинского коммунизма. М., 2017. С. 312—471. Утверждение прямой идейной и практической связи между современной (но исторически

язык Европы из итальянской публицистики вошло понятие **тоталитарности** как управления тотальностью (всеобщностью, мобилизационной целостностью) страны. В 1939 году в политическом языке Англии и Франции, обманутых Гитлером после их Мюнхенского сговора с ним (и Муссолини) в 1938 году, для осуждения сделки Гитлера и Сталина 1939 года была избрана формула «тоталитарного» единства нацистской Германии и коммунистического СССР[3] (и фашистской Италии). Антигитлеровская коалиция

давней) западной практикой чрезвычайного положения — и биополитикой — и тем, что называется «современный тоталитаризм», см.: *Джорджо Агамбен*. HOMO SACER. Чрезвычайное положение [2003] / Пер. с итальянского под научн. ред. Л. Воропай. М., 2011. С. 9—14, 17—18, 46. Весьма содержательное исследование темы в большой исторической перспективе см. также в коллективной монографии: Чрезвычайное законодательство ФРГ / Отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1970. С. 36—38, 61—63, 68, 143—144, 157—158, 187—188.

[3] См. например, секретный мониторинг ТАСС от 15 февраля 1941 г., в котором вождям СССР сообщалось, что в Англии заговорили о природе единства Германии и СССР против Британской империи: «Судьбы этих тоталитарных систем тесно связаны между собой» (Anatole V. Baikalov. Soviet War Aime // Free Europe. 4.X.1940. London) (Информационные сведения ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 2 января 1941—16 марта 1941 // ГАРФ. Ф.4459с. Оп.38с. Ед. хр. 116. Л.118—119).

США, Англии и СССР заставила западную пропаганду временно убрать в тень эту формулу на 1941–1945 гг. Но отныне лишь временно.

Один из опытных сталинских разведчиков-перебежчиков на Запад, из один из многих «невозвращенцев» и разочарованных коммунистов-коминтерновцев[4] Вальтер Кривицкий (1899–1941), оставивший детально продуманные под стать внешнеполитической ситуации исповедальные антисталинские мемуары, весьма точно локализовал своё выступление временем,

---

[4] См., например, только о русских и французских коммунистах из числа разочарованных в большевизме, принявших участие в формулировании партийного образа сталинской диктатуры как тоталитаризма: Виктор Серж (1890–1947), Пьер Паскаль (1890–1983), Николай Лазаревич (1895–1975), Борис Суварин (1895–1984), Антон Чилига (Цилига, 1898–1993), Панаит Истрати (1884–1935) (*И.В. Жукова*. Революция, большевизм и сталинизм глазами франко-русских интеллектуалов: от общности судеб к общности идей (1910-е – 1940-е гг.) // Россия и Франция. XVIII – XIX века. Вып. 9 / Отв. ред. П. Черкасов. М., 2009 (особенно раздел «В. Серж, Б. Суварин, А. Чилига о становлении советской тоталитарной системы»), а также: Виктор Серж: социалистический гуманизм против тоталитаризма. Материалы международной научной конференции (Москва, 29–30 сентября 2001 г) / Под ред. А.В. Гусева. М., 2003. Об этом, в частности, в свете новых данных: *Лоррэн де Мо*. Хроника пленённой мысли: СССР и французские интеллектуалы // Писатели и интеллектуалы России и Франции: прогулки по архивам XX века. Каталог выставки / Сост. С.П. Балан, Г.А. Кузнецова. М., 2013.

Вальтер Кривицкий

когда Британия и Франция фактически завершили свой «мюнхенский» процесс 1938–1939 гг., начавшийся осенью 1938 года с одобренного ими расчленения Чехословакии между Гитлером, Польшей и Венгрией и увенчавшийся весной 1939 года её полным уничтожением, и вывели нацистскую Германии на оперативный простор агрессии на Восток против Польши и СССР. Тогда, весной и осенью 1939 года, западным демократиям требовалось максимально затмить своё соучастие гитлеровскому империализму и переформулировать европейскую сцену в сторону «единоприродного», «тоталитарного» союзничества Гитлера и Сталина. Именно в октябре 1939, после раздела Польши между Германией и СССР, Вальтер Кривицкий в Нью-Йорке писал в предисловии к своему антисталинскому свидетельству-манифесту, пропагандистски безупречно фиксируя различие между тоталитарным родством и неназванным франко-британским «прекраснодушием»:

> «наступление тоталитарного варварства нельзя остановить путём стратегического отступления на позиции полуправды и фальши»[5].

---

[5] *В. Кривицкий*. Я был агентом Сталина. На секретной службе СССР [1939]. М., 2013. С. 13.

Именно из среды политической, прежде всего социалистической партийной оппозиции (и потому центральным образом сталинизма для них стал отнюдь не массовый красный террор, например, против крестьянства и крестьянский же принудительный труд, более всего выражавший претензии большевиков на тотальную власть в преобладающе крестьянской вплоть до начала 1930-х гг. стране, а Соловки с их специальным лагерем для политической оппозиции) и из среды репрессированных и разочарованных коммунистов исходили на Западе первые массовые свидетельства о практике коммунизма, в которых терялись голоса идейных антикоммунистов[6].

---

[6] *М.Я. Ларсонс.* На советской службе: записки спеца. Париж, 1930; Out of the deep: letters from Soviet timber camps. London, 1931; *С.В. Дмитриевский.* Сталин. Berlin, 1931; *И.М. Зайцев.* Соловки (Коммунистическая каторга, или Место пыток и смерти). Шанхай, 1931; *Александров.* Диктатор ли Сталин: Историко-догматический анализ. Paris, [1932]; *Александров.* Кто управляет Россией. Большевистский аппарат и «сталинизм». [Берлин, 1933]; *М. Рудин.* Пирамиды красных фараонов. Шанхай, 1934; *B. Souvarine.* Stalin: Aperçu historique du bolshevisme. Paris, 1935; *В.М. Левитский.* Красная власть и Белая Россия (Об эволюции Сталина). Париж, 1935; *И.М. Зайцев.* Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936; *И. Солоневич.* Россия в концлагере. София, 1936; *Н.И. Громов.* Лагери смерти в СССР: Великая братская могила жертв коммунистического террора. Шанхай, 1936; *Б.Л. Солоневич.* Молодёжь и ГПУ: Жизнь и борьба советской молодёжи. София, 1937; *М.З. Нико-*

Детализируя суть своих претензий к Сталину, Кривицкий, не мог не вывести их из политически корректной повестки западных демократий, ввергнув эти претензии со всеми их избыточными для этой повестки подробностями – в повестку внутрисоветских и внутрибольшевистских, ярче всего выраженных во взаимо-уничтожительной критике троцкистов и сталинистов, сталинистов и меньшевиков, к концу 1930-х гг. превратившейся в критику сталинизма из уст русской марксистской ему оппозиции и эмиграции, а в конце 1940-х – объединённой социалистической и коллаборационистской (власовской) антисоветской эмиграции. И поэтому В. Кривицкий с невольным возбуждением и обиженным увлечением погружает западного политического читателя своего антиста-

---

нов-Смородин. Красная каторга: Записки соловчанина. София, 1938; *A. Ciliga*. Au pays du grand mensonge. Paris, 1938; *А. Цилига*. В Ленинграде // Современные Записки. Кн. 66. Париж, 1938; *А. Цилига*. Верхнеуральский изолятор // Современные Записки. Кн. 67. Париж, 1938; *A. Barmine*. Vingt ans au service de l'URSS: souvenirs d'un diplomate sovietique. Paris, [1939]. Отдельно стоит перечислить книги издательства «Мишень»: *А. Ольшанский*. Записки агента Разведупра. Париж, 1930; *Г.А. Соломон*. Среди красных вождей: Лично пережитое и виденное на советской службе. Париж, 1930; *Е. Думбадзе*. На службе Чека и Коминтерна: Личные воспоминания. Париж, 1930; *Г.З. Беседовский*. На путях к термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж 1931.

линского бестселлера во внутрикоммунистические разногласия, вступаясь – уже в убежище капиталистического и империалистического Запада – в защиту мировой революции, подпитывая спрос на теперь уже западную экспертизу того, что есть в коммунистическом движении полезного и антисталинского, а что в нём уже не полезно:

> «Отношение Сталина к Коммунистическому Интернационалу и его зарубежным функционерам всегда было циничным. Ещё в 1927 году на заседании Политбюро он сказал:
>
> – Кто такие эти люди из Коминтерна? Это – нахлебники, живущие за наш счёт. И через девяносто лет они не смогут сделать ни одной революции. (...)
>
> Хотя Сталин нанёс Коминтерну смертельный удар, заключив пакт с Гитлером (*Коминтерн был распущен Сталиным, как известно, в 1943 году, – в результате его пакта с Рузвельтом и Черчиллем – М.К.*), он сделает всё, чтобы сохранить костяк партийных машин в демократических странах. Они будут продолжать до конца играть роль креатуры его тоталитарного деспотизма»[7].

Слова о **тоталитаризме** стали материальной силой с началом «холодной войны». «Холодная война» коалиции капиталистических держав во главе с США против коммунистического СССР и его союзников началась после «Фултонской речи» Уинстона Черчилля

---

[7] *В. Кривицкий*. Я был агентом Сталина. С. 86–87.

в марте 1946 года, сложилась как система универсальных мер к концу 1950-х годов, когда власти США поставили своей официальной задачей расчленение СССР[8], привела к победе над СССР — к его внешнеполитической, идеологической и экономической капитуляции и государственному самоупразднению в конце 1991 года. «Холодная война» — система действий в области экономики, политики и идеологии, отличных от «горячей», обычной войны, — система, которую апостериори, в 1980-е гг. Джозеф Най назвал «мягкой силой», то есть совокупностью политических, информационных, экономических действий, отличных от военного принуждения. В 2000-е гг. на смену им пришло и стало доминировать понятие «гибридной войны», то есть совокупности косвенных и невоенных действий, которые удерживаются на грани полномасштабной войны или ограничивают её «прокси-войнами», которые ведутся военными противниками на третьих территориях силами третьих сторон.

---

[8] По лекалам австро-венгерской и германской Mitteleuropa против имперской России и польских Międzymorze и Prometeusz против СССР. Об этой генетике специально: *М.А. Колеров*. Предел империй. М., 2012; *M.A. Kolerow*. Polityka wschodnia Polski i Rosja: historyczne granice pojednania // Europa od Atlantyku do Pacifiku: Europejska myśl integracyjna po 2004 roku / Red.: Arkadiusz Meller, Leszek Sykulski. Częstochowa, 2013; *М.А. Колеров.* «Историческая политика» в современной России: поиск институтов и языка // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XVI. М., 2014.

В январе 1992 года президент США Джордж Буш-старший официально заявил, что США победили в «холодной войне», а в феврале 2007 года президент России Владимир Путин в своей «Мюнхенской речи» обрисовал фактическое продолжение этой войны Западом во главе с США уже против России – с целью её политического и экономического подчинения, лишения суверенитета, что вновь обнажило тот факт, что «холодная война» велась США не против коммунистического характера СССР, не против СССР как формы режима, а против СССР как формы государственности Исторической России и расчленение СССР было расчленением России. Дальнейшее расчленение и подчинение России – цель «холодной войны», которая продолжается после уничтожения СССР теперь уже против России.

Однако центр идеологического успеха «холодной войны» Запада против СССР лежит не в военно-политическом доминировании, а в его первичном успехе в сфере интеллектуального уподобления СССР – гитлеровской Германии, против которой ещё вчера США, Великобритания, Франция сражались вместе с СССР и которую победили. Авторам «холодной войны» предстояло победить СССР так, чтобы заслуги его в общей борьбе против Гитлера не адвокатировали его исторической судьбы. Кроме того, принципиально важно было снять с Запада историческую ответственность за прямой сговор с Гитлером в 1938 году, максимально затмив его соглашением Сталина и Гитлера о нейтралитете 1939 года.

Питирим Сорокин

В 1941–1943 гг. в интересах союзничества с СССР против Гитлера западная пропаганда прекратила поиск и утверждение общих черт между режимами Гитлера и Сталина, доказав тем самым, что в 1939–1940 гг. рассказывала о них исключительно в интересах военной информационной борьбы. И лишь в 1943 году, когда борьба достигла зенита, поставленное эмигрантским польским Лондонским правительством – с подачи гитлеровских властей – в центр политической повестки «Катынское дело» (о расстреле советскими властями польским военнопленных в 1940 году) открыло принципиальную допустимость нового уподобления Гитлера и Сталина.

Впрочем, ещё в начале войны американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин (1889–1968) выступил на английском языке с исследованием, где уверенно, совершенно в духе русской эмигрантской публицистики, сопоставлял режимы Гитлера и Сталина. Но это выступление не могло быть использовано пропагандой, ибо в такой же ряд уверенно ставило и демократические режимы в эпохи кризиса и даже режим самого тогда правящего Рузвельта. Он писал:

«Трудно с полным на то основанием доказать, что тоталитаризм в Спарте или Древнем Египте был более принудительным, чем режим Сталина, или Гитлера, или даже военных министерств современных демократических государств... изменение режима, происходящее под влиянием крупных катастроф, очень мало зависит от той или иной личности. Кто бы ни стоял за рулём и как бы сильно ни ненавидели тоталитаризм государственные мужи, экспансия правительственной регламентации столь же неизбежна, как повышение температуры при гриппе или пневмонии; в противном случае чересчур щепетильные правители будут смещены со своих постов и заменены менее разборчивыми. (...)

В тех странах, которые испытывали на себе влияние только таких факторов, как депрессия и голод, уклон в сторону тоталитаризма был умеренным. Но там, где эти факторы были усилены войной и революцией, тенденция приняла катастрофические размеры и привела к тому, что в России, Италии, Германии, Венгрии, Греции и других странах установились чрезвычайно тоталитарные режимы коммунистического, социалистического, фашистского или милитаристского типа... даже в так называемых антитоталитарных, или *демократических, странах*, к числу которых относятся Великобритания и Соединённые Штаты (особенно после 1929 г.), обеднение населения, вызванное Великой депрессией, повлекло за собой рост правительственной регламентации. (...)

Социально-политическое устройство воюющего общества непременно изменяется в сторону тоталитаризма... Когда разразилась Первая мировая война, все воюющие страны стали в значительной степени тоталитарными, независимо от того, были они республиками или монархиями, самодержавными или демократическими государствами. Капиталистическая экономика была заменена Zwangsoekonomie или Zwangswirtschaft — т.е. принудительной экономикой под управлением и контролем правительства... Тоталитарная система родилась уже тогда... С этой точки зрения коммунизм ввели не Ленин, Троцкий и Сталин. Самое большее, что они сделали, это произвели необходимую социальную «операцию» самым бездарным, кровавым, жестоким разрушительным образом, руководствуясь при этом своей «коммунистической идеологией»...»[9]

С 1944 года пропаганда и контролируемые в соответствии с условиями военного времени медиа в США и Великобритании начали ощутимый дрейф в сторону критики сталинизма и советского режима, возобновили широкое освещение деятельности и заявлений советских «невозвращенцев» и перебеж-

---

[9] *Питирим Сорокин.* Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь [1942] / Пер. с англ. В.В. Сапова. СПб., 2012. С. 98, 105, 107—108.

чиков на Запад, приостановленное в 1941–1943 гг. Появилась не только либертарианская проповедь эмигранта Ф. фон Хайека (1899–1992), уличавшего любое государственное регулирование как «путь к рабству» социализма и нацизма, а любой социализм как путь к тоталитаризму, прозвучала и критика слева, из уст эмигрировавшего австрийского коммуниста и пророка сексуальной революции Вильгельма Райха (1897–1957), который вновь обозначил единого врага интернационального Запада – самоизолировавшихся Гитлера, Муссолини и Сталина, которые равно «стали национал-социалистическими наследниками интернационального социализма Карла Маркса»[10].

Самое главное, что сказал Хайек в своей книге, адресованной Англии и США, было простым и ёмким, как моральная санкция, – и на сепаратное соглашение с Гитлером, если бы оно состоялось, и на сепаратное соглашение с гитлеровскими генералами, если бы оно было возможным, и, самое главное, на принципиальное решение о том, кого считать врагом Запада во всей будущей, послевоенной эпохе, в которой самостоятельной Германии уже не было бы, а нужда в СССР как союзнике иссякла. Гитлер ещё жив, но новый враг уже назван:

> «Мы до сих пор не хотим видеть, что расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествовавшего периода,

---

[10] *Вильгельм Райх.* Психология масс и фашизм [1944] / Пер. с немецкого Ю.М. Донца. М., 2004. С. 326.

а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций. Многие не желают признавать этого факта даже после того, как сходство худших проявлений режимов в коммунистической России и фашистской Германии выявилось со всей отчётливостью»[11].

Первым официальным актом высшего историографического уровня, в котором между Гитлером и Сталиным был поставлен знак равенства, стала публикация документов об их сотрудничестве. Разумеется, умалчивая о Мюнхенском сговоре 1938 года, в январе 1948 г. Госдеп США, МИД Англии, МИД Франции издали сборник, в котором СССР выступал как агрессор и виновник Второй мировой войны[12],

---

[11] *Фридрих Хайек*. Дорога к рабству [1944] / Пер. с англ. М. Гнедовского. М., 2012. С. 40.

[12] Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office / Edited by Raymond James Sontag and James Stuart Beddie. Washington, D.C., 1948. Уже осенью 1947 года в США началась информационная кампания вокруг подготовленной и анонсированной Государственным департаментом США первого тома книги «Нацистско-советские отношения с 1939 по 1941 гг. в документах германского Министерства иностранных дел». В своём совершенно секретном сообщении корреспондент ТАСС цитировал издание «American Mercury» (T.LXV. № 285. Сентябрь 1947), в котором под исчерпывающим по ясности названием «Секретные планы Сталина с Гитлером» говорилось: «Через несколько месяцев мир начнёт

на что в СССР пытались отвечать альтернативным сборником. В предисловии к первому тому советского проекта[13] прямо говорилось: «Государственный департамент США в начале 1948 г. опубликовал

получать подлинный отчёт о довоенном русско-немецком сотрудничестве. Учёные трёх западных держав (Британии, Франции, Соединённых Штатов) только что встретились в Берлине и окончательно разработали планы опубликования документов германского Министерства иностранных дел, захваченных армиями этих стран. Среди этих бумаг имеются полные отчёты о нацистско-советских секретных переговорах 1939–40 гг., во время которых эти две державы перекроили территориальные права в Европе, Азии и Африке» (Информационные сведения ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 3 января 1948–29 января 1948 // ГАРФ. Ф.4459с. Оп.38с. Ед. хр. 173. Л. 153. Оригинал статьи: Лл.125–128). Здесь надо особо отметить, что в области служебной, секретной информации для высшего круга руководителей СССР (её персональными адресатами выступали от двух (Сталин и Молотов) до двадцати человек), буквальная, текстуальная точность их сообщений и переводов находилась под специальным контролем, не взирая на разоблачительные и прямо бранные квалификации в адрес Сталина и др.

[13] Документы и материалы кануна Второй мировой войны / Министерство иностранных дел СССР. Т.I. Ноябрь 1937–1938 гг. Из Архива Министерства иностранных дел Германии. М., 1948. Подписано в печать 26 февраля 1948; Документы и материалы кануна Второй мировой войны /

сборник донесений и различных записей гитлеровских дипломатических чиновников под названием «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.». Как явствует из предисловия к этому сборнику, между правительствами США и Англии летом 1946 г. была достигнута договорённость о публикации германских дипломатических документов. К этому соглашению в дальнейшем присоединилась и Франция. В 1945 г. Советское правительство обращалось к английскому правительству с предложением о совместной разработке германских документов и настаивало на допущении советских экспертов к участию в этом деле. Предложение Советского правительства было, однако, отклонено. Американское, английское и французское правительства пошли на сепаратное опубликование немецких документов, без участия Советского Союза. Ввиду этого Советского правительство сочло себя в праве в свою очередь предпринять публикацию тех секретных документов из архива германского министерства иностранных дел, которые оказались среди трофеев, захваченных советскими войсками после победоносного вступления в Берлин»[14].

Министерство иностранных дел СССР. Т.II. Архив Дирксена (1938–1939 гг.). М., 1948. Подписано в печать 11 марта 1948.

[14] Документы и материалы кануна Второй мировой войны / Министерство иностранных дел СССР. Т.I. Ноябрь 1937–1938 гг. Из Архива Министерства иностранных дел Германии. М., 1948. С. 3.

Глубокий исследователь европейской и советской социально-политической истории первой половины XX века в её географическом континууме Андреа Грациози в своей, как представляется, недостаточно оценённой эвристической книге даёт очень внятное описание исторических задач и условий создания доктрины «тоталитаризма»:

> «Сразу после второй мировой войны понятие тоталитаризма фактически служило превосходным орудием, способным направить против бывшего союзника — СССР — всю энергию, мобилизованную для разгрома нацизма. Для этого нужно было только найти понятие, позволяющее поставить на одну доску разбитого врага и бывшего союзника, превращая тем самым борьбу с последним в непосредственное продолжение войны с первым. Именно отсюда — шумный успех термина «тоталитаризм» в 1944—1946 гг., когда он вновь вошёл в употребление. (...)
>
> Пожалуй, наиболее важная из книг, заново определяющих рамки употребления данного термина, — «Путь к рабству» Ф.А. фон Хайека, вышедшая как раз в 1944 г. и быстро ставшая бестселлером. Через год, когда Арендт начала работать над своими «Истоками тоталитаризма», Карл Фридрих опубликовал статью, вводившую термин «тоталитаризм» в академический дискурс. Затем он организовал важнейшую конференцию, посвящённую понятию тоталитаризма (см.: Totalitarianism. Cambridge, Mass.:

Harvard University Press, 1954) и написал совместно с З. Бжезинским книгу «Тоталитарная диктатура и автократия» (Totalitarian Dictatorship and Autocracy. New York: Praeger, 1956). В 1946 г. Черчилль в своей знаменитой фултонской речи дважды воспользовался этим термином»[15].

Чем больше современные историки отказываются от этого политического понятия, тем ожесточённее за него выступают политики. Видя это, А. Грациози подводит критический итог: «факт остаётся фактом: “тоталитаризм”, по-видимому, действительно очень слабая, с интерпретативной точки зрения, категория, не объясняющая, а лишь создающая иллюзию объяснения феноменов»[16]. Представители современ-

---

[15] *Андреа Грациози*. Война и революция в Европе: 1905–1956 [2001] / Пер. с итальянского Л.Ю. Пантиной. М., 2005. С. 55. Исследователь американской мысли уточняет и дополняет собственно американскую историю доктрины, сообщая, что первое коллективное исследование темы в США было предпринято ещё до войны: Symposium on the Totalitarian State/ Proceedings of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1940 (*Э.Я. Баталов*. Американская политическая мысль XX века. М., 2014. С. 395).

[16] *Андреа Грациози*. Война и революция в Европе. С. 57. Другой современный автор, предпринявший историографическое исследование, приходит к сходному выводу: «тоталитаризм не может претендовать на звание созревшей объяснительной теории или даже модели: в лучшем случае это наводящая на размышления концепция, требующая

ного историографического «ревизионизма» (а на деле – вполне законного возвращения к изучению сталинизма в его времени, контексте и интеллектуальной традиции) в своём обзоре истории и теории тоталитаризма категорически и справедливо судят названное сочинение Фридриха и Бжезинского и его поклонников с высоты науки и современного знания: именно политики и «формализм политических наук» принудили советологию «механически повторять снискавшие дурную славу шесть признаков “тоталитаризм” этих писателей»[17].

Збигнев Бжезинский

На этом кратком описании читатель, желающий понять и оценить политически прикладной, руководи-

---

проверки исторической реальностью». (*Джон Кип*. Новейшие западные исследования сталинизма // Джон Кип, Алтер Литвин. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография [2005] / Пер. с англ. В.И. Матузовой. Изд.2, перераб. и доп. М., 2009. С. 24).

[17] *М. Гейер, Ш. Фицпатрик*. Введение. После тоталитаризма. Сравнительный анализ сталинизма и нацизма // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма [2009] / Под ред. М. Гейер и Ш. Фицпатрик. М., 2011. С. 13.

мый высшими органами государственной пропаганды США, Великобритании и их сателлитов, характер западной доктрины «тоталитаризма», легко может остановиться.

Но всё же, кроме политических решений о наукообразной пропаганде, есть проблема происхождения и понятия тоталитаризма, и имманентного ему изначального полемического задания, и, главное, конкретного доктринального выбора пропагандистов, того меню, из которого они делали свой выбор — и что означает сделанный ими доктринальный выбор в их «политике мысли».

И в этом контексте даже историческое уподобление коммунистического СССР и гитлеровской (но капиталистической) Германии[18] далось Западу

---

[18] Мысль о том, что капиталистический Гитлер был более приемлем для Запада, чем коммунистический Сталин, неявно звучит до сих пор: из опыта Германии, Италии, Японии, современного Китая делается простой вывод, что «капиталистическая организация производства вполне совместима с тоталитарным государством. Нужно отметить, что капиталистические тоталитарные государства никогда по-настоящему не были жертвами массового отвержения своим народом. Почему? Из-за репрессивной системы, которая терроризировала население, но также из-за того, что существующим режимам наряду с лишением свободы удалось принести населению процветание» (*Антуан Брюне, Жан-Поль Гишар*. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения [La visée hégémonique de la Chine — L'impéri-

весьма нескоро и непросто, хотя и внешне легко было достигнуто только в классическом труде американцев: немецкого эмигранта Карла Иоахима Фридриха (1901–1984) и польского эмигранта Збигнева Бжезинского (1928–2017) «Totalitarian Dictatorship and Autocracy» (1956). Их доктрина тоталитаризма действительно победила на Западе (и теперь победила в интеллектуальных колониальных провинциях Запада, включая часть русской науки), пока постепенно, начиная с 1960–1970-х гг. не была (на Западе, но не в провинциях) отодвинута научным «ревизионизмом» – вместе с самой её терминологией – на политиканский край историографии.

> «В 70-х годах понятие “тоталитаризм” почти полностью дискредитируется в США. Зато оно обретает второе дыхание во Франции, где с опубликованием “Гулага” [“Архипелага ГУЛАГ”] как бы подтверждается правота тех немногих досолженицынских эмигрантов, чьи разоблачительные выступления казались лишёнными шансов на всякий успех, а также выявляется обоснованность акций почти одинокого Раймона Арона... Ещё более существенным последствием этой публикации явилось включение тоталитаристской проблематики в основной публицистический оборот. Отступничество бывших коммунистов и леваков, с лихвой разрекламированное средствами массовой информации, провалы СССР и маоистского Китая,

---

alisme économique, 2011] / Пер. под ред. В.А. Шупера. М., 2012. С. 38).

послевоенный Вьетнам и Кампучия закрепляют термин “тоталитаризм” во Франции»[19].

В центре политиканской историографии стал набор отнюдь не исключительных для гитлеровской Германии и СССР тезисов, которые утверждают их родство, описывают суть их экономики и политики и одновременно делают эти характеристики якобы присущими исключительно тоталитарным диктатурам, подлежащим уничтожению, фактически снимая ответственность за точно такие же характеристики с колониальных и неоколониальных режимов, многочисленных американских, европейских и иных диктатур XX века (их полезно сравнить с продукцией на эту же тему одной из советологических институций,

---

[19] *Клаудио Ингерфлом*. Тоталитаризм // Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М., 1989.С.373—374. Новое дыхание «антитоталитарной» критике, решительно влияющей на язык политической риторики и научные исследования, придала знаменитая «Чёрная книга коммунизма» французских авторов (1997, русский пер. 1999). Исследователь показывает, что и этот внешне моралистический жест восходит к политической ситуации в самой Франции 1972 года и был частью политически мотивированной системы идейных усилий по дискредитации французского этатизма (голлизма) и социализма вообще, построенной разочарованными левацкими участниками движения 1968 года: *Ян-Вернер Мюллер*. Споры о демократии. Политические идеи в Европе XX века [2011] / Пер. с англ. А. Яковлева. М., 2014. С. 339—341.

находившихся на содержании и под политическим контролем служб США[20]). Главными (и главное — едва ли не исключительными) характеристиками

---

[20] «Заключительный этап [коммунизма] будет означать тотальное властвование большевиков над всеми материальными ресурсами нашей планеты, развитие аппарата принуждения, способного в любой момент принудить любого человека к совершению любого действия, практическое упразднение всякой свободы. (...) Тоталитаризмом большевизм сделал уже Ленин. Но Ленин не вполне определил характер этого тоталитаризма (...) но творец целостной системы иллюзий, несомненно, Сталин... Сталин стремился к осуществлению тотального властвования под маской коммунистических идеалов» ([*Р.Н. Редлих, С.А. Левицкий, Н.И. Осипов*]. Большевистские мифы и фикции // Очерки большевизмоведения / Институт изучения СССР при Национально-Трудовом Союзе / [Под ред. Р.Н. Редлиха]. [Frankfurt/Main,] 1956. С. 46, 38). Новый архивный материал об этом см. в публикациях: Новая эмиграция, разведка США и «Социалистический Вестник»: письмо Р.А. Абрамовича (1955). Публикация В.В. Янцена // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т.XVI. М., 2014; НТС в 1950-х: Письмо И.С. Микуловского Е.Д. Кусковой (1957). Публикация Владимира Янцена // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т.XXIII. М., 2017. См. также о проекте ЦРУ в 1953–1972 гг., укомплектованном из власовцев и бандеровцев: *Charles T. O'Connell*. The Munich Institute for the Study of the USSR: Origin and Social Composition /The Carl Beck Papers Russia and East European Studies. No 808. Pittsburg, 1990; *А.Ю. Данилов*. Мюнхенский институт изучения СССР

тоталитарных диктатур, по этой теории, являются: правящая идеология; одна массовая партия, обычно руководимая диктатором; система террора[21]; монополия на оружие; монополия на средства коммуникаций; централизованная экономика, действующая по государственному плану. Вскоре после этого труда даже лояльный американский военный теоретик не смог сразу понять, что отныне действует чёрно-белая схема и комично заключил о том, что казалось ему решительным различением, а на самом деле звучало как очевидное отсутствие разницы в том, насколько демократичен тот, кто готовится к тотальной войне на уничтожение: «Во всех странах, за исключением тоталитарных, исполнительная власть должна выполнять задачи, значительно ограничивающие свободу»[22].

Предложенные характеристики «тоталитаризма» (например, монополия на оружие), наверное, могли

и его библиотека (1950–1972) // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 1999.

[21] Ср.: «Тотальный террор является необходимой предпосылкой коммунистического общества, без этой предпосылки оно просто немыслимо. (...) Нужна вся мощь тоталитарного государства, чтобы превратить живых людей в автоматы. (...) Тоталитарная диктатура тем и отличается от всех прежних деспотий, что она не допускает ни вассалов, ни наместников» ([*Р.Н. Редлих*]. Борьба за власть продолжается // Очерки большевизмоведения. С. 283, 298).

[22] *Клаус Кнорр*. Военный потенциал государств. М., 1960. С. 102.

показаться чудовищными в конкретных условиях США и совершенно очевидно вполне подходили под описание практически любых европейских капиталистических диктатур и автократий, например, в Европе. Но труд Фридриха и Бжезинского и, очевидно, вложенные в его распространение и популяризацию усилия США, совершенно независимо от столь «казуистических» нелицеприятных обстоятельств – получили быстрый и эффективный успех, интеллектуально возглавив многолетние уже усилия «холодной войны» Запада против СССР. Немецкий историк свидетельствует, что даже в Германии был достигнут блестящий результат и в западной историографии после 1945 года

> «...стали доминировать пришедшие из США тенденции, которые во множестве разветвлений и дифференцировок должны были определять политологический анализ Советского Союза. Эта концепция инициировала исследования, сконцентрированные на технологиях господства, политике и идеологии до начала 1960-х годов, в среде широкой общественности доминировали сценарии угроз и теория тоталитаризма, приравнивавшая национал-социалистический режим к коммунистическим диктатурам. В сокращении – красное равно коричневому»[23].

---

[23] *Д. Байрау*. Страх и любопытство: Советский Союз в исторических исследованиях ФРГ в годы холодной войны

Важно однако, что две из характеристик Фридриха и Бжезинского — а именно указание на монополию «одной массовой» партии и указание на «тоталитарный» характер централизованной плановой экономики — выдают в создателях доктрины тоталитаризма верных учеников **русских партийных противников большевиков в России** и, главное, верных учеников **маргинального австро-немецкого либертарианского**[24] **клана** в Англии и США, для которого любое государственное вмешательство в экономику, даже социал-либеральное и рузвельтовского «Нового курса» — преступление, а монополия корпораций — благо. Первое, кажется, мало связано со вторым, но это лишь кажется: их общая историческая платформа в социалистическом прошлом либерализма первой половины XX века и их общая политическая платформа в «холодной войне» середины XX века — налицо.

Гораздо более популярным и массовым применением вариантов толкования интернационального понятия **total** следует признать его присутствие в военно-политическом консенсусе о том, что Первая мировая война породила практику «тотальной войны», а следующая мировая война будет, несомненно, ещё более тотальной, уже сейчас, на стадии подготовки

(1950—1980) // Исторические записки. Вып 14 (132 / Отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2012. С. 312, 329

[24] «Архилибертарианского» (*Роберт Хиггс*. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства [1987]. М., 2010. С. 23).

к этой войне, в 1920–1930-х гг., требующей от любого стремящегося государства, прежде всего, на европейском театре военных действий, **тотальной мобилизации**, тотального подчинения войне всех ресурсов страны, в том числе идеологических, будь это подчинение вынужденным или, напротив, формулируемым как национальное благо. Описывать тоталитарные терминологические изыски европейской интеллигенции 1920–1930-х гг. вне указанной философской **тотальности** и вне указанных военно-экономико-политических **тотальной войны** и **тотальной мобилизации** – чисто партийное лукавство, задним числом игнорирующее, как минимум, тотальный консенсус о характере будущей войны. В реальности же даже меморандум правительственных экспертов США от 26 августа 1940 г. «Тотальная оборона», исходя из негативного опыта Англии и Франции уже начавшейся Второй мировой войны в 1939–1940 гг. гласил: «использовать каждую унцию нашей силы», «сплошная занятость», «бросить все людские ресурсы на производство»[25].

Этот консенсус был столь глубок, что практически без перемен доминировал и по итогам Второй мировой войны, когда, ещё не зная о возможности США реализовать ядерную атаку противника, британский Штаб объединённого планирования 22 мая

---

[25] *М.Ю. Мягков*. Проблемы послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945. М., 2006. С. 49, 51.

1945 г. представил Военному кабинету Великобритании доклад по названием «Операция «Немыслимое», о начале 1 июля 1945 г. войны против СССР с целью «навязать русским волю Соединённых Штатов и Британской империи». Военные заявляли однозначно и без политического лицемерия: «Единственный для нас способ добиться цели в определённом и долгосрочном плане — это победа в тотальной войне (...) тотальная война неизбежна, и нами рассмотрены шансы на успех с учётом этой установки (...) Для нанесения решительного поражения России в тотальной войне потребуется, в частности, мобилизация людских ресурсов [союзников] с тем, чтобы противостоять нынешним колоссальным людским ресурсам [русских]»[26]. В сентябре 1946 г. в высших правительственных кругах США был разработан документ «Американская политика в отношении Советского Союза». В нём, в частности, говорилось: «Война против СССР будет “тотальной” в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война»[27].

---

[26] *О.А. Ржешевский*. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3.

[27] *А.С. Орлов*. Воздушная разведка США над территорией СССР в 1950—1955 гг. // Новая и новейшая история. М., 2000. № 6 (Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945—1950 / Ed. by T. Etzold and J. Gaddis. New York, 1988. P. 66).

Даже послевоенный немецкий историографический адвокат гитлеровской военной машины, воссоздавая контекст её государственных действий ещё до получения «методологических указаний» о признаках тоталитаризма, уверенно помещал эту тотальность во всеобщую практику эпохи:

> «Во Второй мировой войне, совершенно независимо от того, о какой из воюющих сторон здесь идёт речь, настоящий успех имели лишь те страны и народы, которые правильно поняли смысл тотальной войны... Главными чертами этой войны явились: во-первых, тотальное использование всех материальных и моральных сил и средств, которыми располагали воюющие государства, во-вторых, тотальная мобилизация населения, в-третьих, тотальный перевод экономики на военные рельсы, обусловленный экономической и военной блокадой и экономической войной на море, в воздухе и на суше, в-четвёртых, развёртывание всех средств пропаганды для поддержания и укрепления морально-боевого духа, в-пятых, устранение различий между воюющими войсками и гражданским населением как в отношении участия их в боевых действиях, так и в отношении опасностей, которым они подвергались (воздушная война), и наконец, в-шестых, использование боевых средств не столько для уничтожения живой силы и техники противника, сколько для уничтожения его военного потенциала, совершенно независимо от того, идёт

ли при этом речь о материальных ценностях или о самих людях»[28].

Современный западный исследователь, анализирующий диахронию, события и контекст военной тотальности в Европе на гораздо большем удалении от партийности и пропаганды, нежели создатели доктрины «тоталитаризма», суммирует, подводя итоги историографической дискуссии в Германии, решительно размывая условные границы между колониальной практикой антигитлеровских демократий и обнаруживая видимые различия между практикой страной Гитлера и страной Сталина:

«Стимул к изучению повседневного опыта и практики войн, становящихся тотальными, пришёл из Франции с исследованиями Grande Guerre — Первой мировой войны... Применительно к нацистской Германии можно констатировать следующее: в массовой поддержке войны на уничтожение, начатой на востоке Европе в 1939 г., видны элементы повседневных стратегий выживания... Многие, рассматривая себя как “немцев”, невзирая на различия своих повседневных реалий, превращали эту войну в свою собственную. Социальные и культурные границы, в остальном разделявшие людей, не имели значения, когда дело касалось сегрегации евреев в годы Холокоста: догадываясь, а то и наверняка зная об

[28] *Х. Мантейфель*. На переломе [1953] // Итоги Второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957. С. 614—615.

их предстоящем убийстве, подавляющее большинство населения Германии оставалось зрителями или даже принимало активное участие в акциях против своих бывших соседей. Сомнения против итогов войны, особенно после поражения под Сталинградом, проявлялись гораздо чаще, чем сомнения по поводу геноцида... Это наводит нас на след, который многие до сих пор предпочитают не замечать при интерпретации этих источников: участие многих в политических акциях, а после 1939 г. — физическое участие в войне может означать, что очень и очень многие рядовые немцы видели в этом шанс почувствовать себя частью "великого целого"... Соответственно, имело место не только обычное солдатское повиновение приказу на войне. Мобилизация "сверху" была подготовлена и значительно усилена "самомобилизацией". Жестокость и жажда точно стрелять в цель выступали в таком (само)восприятии в качестве мужской твёрдости и признака "хорошей работы", что неплохо сочеталось с расистским взглядом на "чуждых обществу" и "недочеловеков", который нашёл своих сторонников среди немцев различного пола, класса или поколения задолго до эры национал-социализма. Следствием этого стало высокомерие, а то и беспощадность германских работников... по отношению к подневольным рабочим и узникам концлагерей»[29].

---

[29] *Альф Людтке*. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 70–72.

Ещё до «открытия» западной историографией **биополитики**, естественной для Модерна и капитализма, западный историк военно-промышленной мобилизации периода Первой мировой войны обнаружил, что для индустриального военного дела тотальная мобилизация — не только вынужденная практика милитаризации в ходе военных действий, но и осознанная задача планирования, а индустриальная милитаризация — ойкумена государственного капитализма: «Заказы военных ведомств способствовали развитию судостроения, добыче угля и росту сталелитейной промышленности в большинстве индустриальных стран». Историк признавал, что один из создателей и руководителей британской мобилизационной экономики в Казначействе в 1915—1919 гг., великий экономист Дж.М. Кейнс (1883—1946) —

> «...был прав, отмечая, что Первая мировая война и последующие события возвестили конец периода свободного предпринимательства в экономике европейских стран (см. его The End of laissez-faire (1926) — *М.К.*), а также в международных экономических отношениях. Кейнс... умолчал о том, что принцип свободного предпринимательства никогда не был осуществлён. Свободное предпринимательство как основной экономический принцип было мифом и при Адаме Смите...»[30].

---

[30] *П. Кроссер*. Диалектика военной техники [1972]. М., 1975. С. 151, 154—155.

Не нашедший себе места в руководимой гитлеровской Германией Европе австриец Й. Шумпетер (1883–1950) так обозначил квинтэссенцию трудов Кейнса, посвящённых экономическим итогам Первой мировой войны:

> «...время капитализма laissez-faire, этого “чрезвычайного эпизода”, закончилось в августе 1914 года. Стремительно исчезали те условия, в которых предпринимательское лидерство позволяло бизнесменам добиваться успеха за успехом: быстрый рост населения и многочисленные возможности для инвестиций, которые предоставлял технологический прогресс, а также завоевание нескольких новых источников питания и сырья подряд»[31].

Сам Кейнс вполне нелицеприятно судил о своих британских классиках либерализма, демонстрируя их поклонникам лицемерие их интернационального прогресса:

> «Меркантилисты не обманывались относительно националистического характера их политики и её тенденций к развязыванию войны. Они единодушно стремились к национальной выгоде и относительному могуществу. Мы можем критиковать их за явное безразличие, с которым они принимали это

---

[31] *Й. Шумпетер*. Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) [1946] // Й. Шумпетер. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М., 2011. С. 365, 396.

неизбежное следствие международной денежной системы. Однако в теоретическом отношении их реализм много предпочтительнее путаных представлений современных защитников международного фиксированного золотого стандарта и политики laissez-faire в области международного кредитования, которые думают, будто именно такой политикой можно лучше всего содействовать делу Мира... В условиях laissez-faire внутри страны и при наличии международного золотого стандарта, что было характерно для второй половины XIX в., правительства не располагали никакими другими средствами для смягчения экономических бедствий в своих странах, кроме конкурентной борьбы за рынки»[32].

Указания на наследие британца Кейнса отнюдь не случайны. Они одновременно апеллируют и к практике «образцового» британского политико-экономического либерализма «свободы торговли» и «рыночного» капитализма, демифологизирующие итоги которой подводит Кейнс, и к общепризнанной социал-либеральной «кейнсианской революции» в экономической теории второй четверти XX века (то есть в ходе генезиса политической доктрины «тоталитаризма» на деле сделавшей **крайне маргинальной либертарианскую критику государственного капитализма**, которую в 1940–1950-е гг. сделали своим **экспортным**

---

[32] *Дж. М. Кейнс.* Общая теория занятости, процента и денег [1936]. Глава 23. II. 4; Глава 24. IV.

экономическим знаменем политические создатели этой доктрины). Эта апелляция содержит в себе имманентное указание на противостоявшие британской мифологии «свободы торговли» идеологию и практику протекционизма и государственного капитализма, образцом которых выступала Германская империя, прямо конкурировавшая с Британской империей в Первой мировой войне. Экономическая и политическая история Германской империи 1871–1914–1933 гг. характеризуется также глубоким и широким влиянием марксизма в области экономических и социальных наук и в сфере политической практики. Они, в свою очередь, в условиях политического запрета социал-демократической партии (до 1891), породили мощное и авторитетное движение интеллектуальной и государственной «социальной политики», определили доминирование «катедер-марксизма», то есть академического марксизма и связанных с ним социальных доктрин, на экономических и социологически-юридических кафедрах германских университетов. Именно это доминирование «катедер-марксизма» воспитало к 1900–1910-м гг. целое поколение командиров политики и частной, государственной, военной экономики в Германии, которое после 1914 года создало известный корпоративно-государственный «военный социализм / коммунизм» Германской империи до 1918 года и социальное государство 1919–1933 гг. Именно против правящего в экономике и политике Германии «катедер-марксизма» и были направлены все радикальные стрелы либертарианства, которое

искало предельных философских гарантий против государственного капитализма и милитаризма в пучине социал-дарвинизма и апологии спекулятивной корпоративной интернациональной, которая якобы могла спасти от новой войны между империями и социальными государствами. Но выбирало себе мишенью не победившую Британскую империю со столь же развитой, как и в Германии военно-государственной экономикой и социальной политикой, а побеждённую и риторически осуждённую Германию. А именно – опыт практического управления экономикой и её исследования во время, и после Первой мировой войны, символически объединяемый именами в Великобритании Кейнса и в Германии главой военной экономики В. Ратенау (в 1914–1915 – глава Управления стратегических ресурсов при Военном министерстве)[33]. Либеральный систематик пишет, что для либертарианцев австрийской школы (претендовавших на своё особое руководящее положение в «мировом правительстве»)

> «...реальной проблемой были последствия низведения экономической науки до положения инструмента морали или политики. Отголоски этих споров можно услышать и в полемике вокруг обобщес-

---

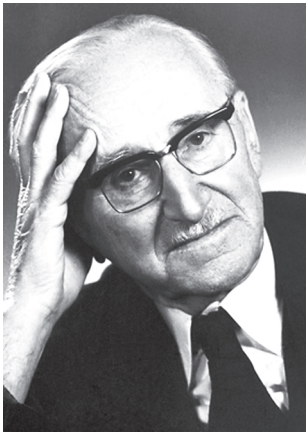
[33] См. труды В. Ратенау специально в советских переводах на русский язык: Новое государство. М., 1922 (Der neue Staat, 1919); Новое хозяйство. М., 1923 (Die neue Gesellschaft, 1919); Механизация жизни. Пб., 1924 (Zur Mechanik des Geistes, 1913)

твления, развернувшейся в веймарской Германии. Фундаментальную роль в этой полемике сыграли катедер-социалисты, отчасти в силу влияния, которое они оказали на воспитание и подготовку немецких экономистов и государственных чиновников... В ней снова ярко проявилось стремление создать новую новую экономическую науку с учётом немецкого опыта: от Wohlfahrtstaat (государства всеобщего благоденствия) до Kriegswirtsschaft (военной экономики)»[34].

Либертарианцы рисковали делать вид, что не замечают британской «кейнсианской революции», и утверждать, что их личный опыт, преобладающе еврейский опыт немецких интеллектуалов из уничтоженных войной Германской империи и Австро-Венгрии, опыт эмигрантов, нашедших себе убежище в Англии и США, — суть экономической и политической философии либерализма. И именно тогда, когда реальный исторический либерализм давших им убежище Англии и США на деле, после неудачных попыток приручения, вёл тотальную войну против того гитлеризма, который уже начали периодически называть тоталитарным. И тогда, когда равным врагом, столь же риторически тоталитарным, уже называли сталинский коммунизм.

---

[34] *Раймондо Кубедду*. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С. 173, 179.



Фридрих фон Хайек

В этой исторической перспективе становится более ясным, как вождями одновременно антитоталитарной критики и либертарианской философии, лежащих в политической доктрине «тоталитаризма» стали уроженцы Австро-Венгрии Ф.А. фон Хайек, К. Поппер (1902–1994), Л. фон Мизес (1883–1953), уроженка России Айн Рэнд (1905–1982), уроженка Германии Ханна Арендт (1906–1975). Они, продолжатели «австрийской школы» в политической экономии[35], противостоявшей австро-германскому же «катедер-марксизму», стали в США основателями «неолиберализма», принеся туда отвращение к столетнему немецкому опыту государственного регулирования и социализма, который на их глазах превратился в нацизм и антисемитизм, и поэтому они сочли своей обязанностью резко выступить против «нового курса» Рузвельта и дирижистских реформ Кейнса как прямого пути

[35] Самый известный её политический представитель в России – П.Б. Струве (1870–1944), после большевистской революции ставший столь же ожесточённым противником коммунизма и социализма и столь же определённым проповедником консервативной диктатуры.

к нацизму[36]. Вместе с этим они принесли в гораздо более либеральные США и Великобританию кратно преувеличенный, панический страх перед практическим социализмом, который выглядел в их глазах как начало тоталитаризма. Авторитетный исследователь либерализма приходит к выводу, что Хайек и Мизес «*коллективизм*... понимали, как синоним *тоталитаризма*», по их мнению, «между историцизмом, сциентизмом, социализмом и тоталитаризмом существовала связь. Тоталитаризм представляет собой соединение всех тех черт современности, против которых борется австрийская школа»[37]

---

[36] *Мишель Фуко*. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с франц. А.В. Дьякова. СПб., 2010. С. 144–145, 241–244, 247, 138, 140, 141–143.

[37] *Раймондо Кубедду*. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С. 173, 176. Рассматривая качество мысли другой культовой фигуры «антитоталитарного» либерализма – Айн Рэнд – исследователь заключает: «господствующее мнение что Рэнд была горячим сторонником либерального капитализма, ложно. На самом деле она вела борьбу на два фронта – против коллективизма и против демократического общества. По сути, она была апологетом аристократического (олигархического или феодального) капитализма, в котором обществом командуют талантливые и благородные магнаты» (*Владимир Шляпентох*. Айн

Они настойчиво желали выдать корни и историю «тотальной войны» за противоестественное отклонение европейской цивилизации от утраченного рая «свободной торговли», всякий отход от книжных принципов которой в пользу социальной политики или протекционизма объявляются грехом, быстро и неизбежно ведущим к тоталитаризму и именно им порождаемой тотальной войне. В такой развиваемой Мизесом логике любое активное участие государства в экономике подводится под клеймо национализма[38], который немедленно обвиняется в агрессивных наклонностях и создании войны. Под такое либертарианское автоматическое осуждение подпадает сама Великобритания и любое современное государство, ведущее минимальную социальную политику и политику безопасности. Но Мизес безапелляционно и бездоказательно утверждает:

> «Существует полное согласие относительно того, что тотальная война представляет собой результат агрессивного национализма. Однако это всего лишь рассуждение в круге. Мы называем агрессивным национализмом такую идеологию, которая приводит к современной тотальной войне. Агрессивный национализм является необходимым производным

Рэнд: её марксистские и большевистские корни // Новое литературное обозрение. № 104. М., 2010. С. 179).

[38] *Людвиг фон Мизес*. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война [1944]. Челябинск, 2006.

политики интервенционизма и народнохозяйственного планирования. В то время как laissez faire устраняет причины международных конфликтов, государственное вмешательство в производство и социализм порождают конфликты, для которых не существует мирного решения. Если в условиях свободной торговли и свободной миграции ни одного индивида не волнуют территориальные размеры его страны, то в условиях протекционистских мер экономического национализма почти каждый гражданин весьма живо интересуется территориальными проблемами. Расширение территории, подвластной суверенитету его государства, означает повышение его материального благосостояния или по крайней мере облегчение ограничений, которые иностранное государство накладывает на его благополучие. Причина трансформации ограниченной войны между королевскими армиями в тотальную войну, конфликт между народами, заключается не в технических деталях военного искусства, а в замене государства laissez faire государством благосостояния»[39].

Так, не только циничная биополитика Модерна, но и любой идеализм Просвещения, любое стремление – при участии государства – к защите права и справедливости, обеспечению равных возможностей, повышению качества жизни, повышению качества рабочей силы и себестоимости труда, всего того,

---

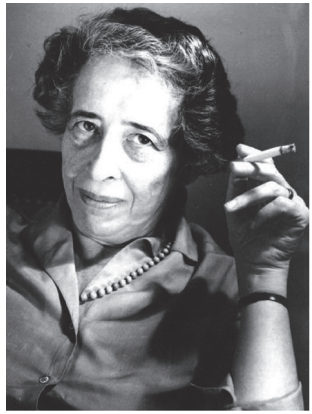
[39] *Л. фон Мизес*. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории [1949]. Челябинск, 2007. С. 773.

что составляет сегодня основу требований к цивилизованному государству и требует того минимума кодифицированного права, что даётся только суверенным государством, объявляется тоталитаризмом, ведущим к войне. Сознательно действуя как утопист, борясь против «тоталитаризма» в пользу фантомного мирового правительства, якобы способного к непосредственным отношениям к индивидуальными производителями и потребителями, Мизес ополчается на любую реальную экономическо-политическую субъектность стран и народов в современном мире, любое суверенное государство и любую национальную экономику (народное хозяйство).

Такого рода исследовательская чёрно-белая условность, видимо, была простительна в ходе войны против Гитлера. Но тот факт, что эту войну вели не только США, но и Сталин, тот факт, что именно тотальная мобилизация европейских противников Гитлера стала единственным их шансом на победу, заставляет не принимать военные условия создания этого научного комикса в качестве реабилитирующих. Мизес признаётся далее:

> «В нынешних условиях принятие цивилизованными народами Запада бескомпромиссной политики *laissez faire, laissez passer* было бы эквивалентно безоговорочной капитуляции перед тоталитарными народами... На сегодняшний день нет другой системы, способной обеспечить надёжную координацию мирных усилий народов и отдельных людей, кроме так называемого манчестеризма. При

всей шаткости подобных упований можно надеяться, что народы западных демократических стран будут готовы признать этот факт и отвергнут сегодняшние тоталитарные тенденции. Но не может быть сомнений, что для подавляющего большинства человечества идеи милитаризма обладают куда большей привлекательностью, чем либеральные идеалы. В ближайшем будущем можно надеяться самое большее на разделение мира на два лагеря: либеральный, демократический и капиталистический Запад, где живёт примерно четверть мирового населения, и милитаристский и тоталитарный Восток, охватывающий куда бóльшую часть земной поверхности и населения».



Ханна Арендт

Именно этот исторический колониальный расизм лежит в основе доктрины «тоталитаризма». «Дорога к рабству» Хайека 1944 года, суммировавшая его статьи об экономике начиная с 1938 года, труды Арендт о тоталитаризме, сведшие воедино её послевоенную критику, послевоенные труды Поппера в защиту «открытого общества» от тоталитарных претензий, послевоенные сочинения Мизеса, – несомненно, расцвели и получили устойчивый спрос в США (но вовсе не в кемалистской Турции, где в 1933–1939 гг. он

вполне комфортно совмещал своё принципиальное либертарианство со службой в Стамбульском университете) — в условиях окончания их вынужденного антигитлеровского союзничества с СССР и начала «холодной войны». Тоталитаризму и сталинизму эти критики вменяют не их специфические черты, а характеристики всей европейской индустриализации XIX — начала XX вв.

При этом полемика европейско-американского либертарианства против европейско-американского монополизма и дирижизма, условного Хайека против условного Кейнса, была фактографичнее и предметней, чем таковая же против коммунизма — фактологически невежественной в сфере знаний о советской политике Арендт[40] против Сталина. Исторические границы между либерализмом и сталинизмом включали в себя весь государственно-монополистический капитализм. А географические границы, полагаемые между «демократическим» Западом, с одной стороны, и Сталиным, с другой, были столь широки, что в межвоенный период охватывали всю Централь-

---

[40] «В понимании тоталитаризма власть сосредоточивается исключительно в силе организации... По мнению Сталина, постоянный рост и развитие полицейских кадров несравнимо более важны, чем нефть в Баку, уголь и руда на Урале, житницы на Украине и потенциальные сокровища Сибири, — короче говоря, важнее всего развитие полного арсенала власти России» (*Х. Арендт*. Истоки тоталитаризма [1951]. М., 1996. С. 457).

ную Европу с населением в 90 миллионов человек, с полной гаммой диктатур, авторитарных режимов, этнократий и на деле отнюдь не демократических демократий Польши, Литвы. Латвии, Эстонии, Чехо-Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции и т.п. Такие «границы», которые идеологические критики пытались установить между Сталиным и условно либеральным Западом, в итоге не разделяли, а соединяли их в историческом континууме **тотальной войны, европейской индустриализации, мобилизации и биополитики**. Сегодня даже британский публицист, не обременённый тисками научной этики, сравнивая жертвы Сталина с жертвами европейского колониализма, легко видит полноту преступлений XX века: «Около 10 миллионов конголезцев умерли в результате организованных бельгийцами принудительного труда и массовых убийств в начале 20 века; десятки миллионов умерли в Британской Индии от навязанного и отнюдь не неизбежного голода»[41].

---

[41] *S. Milne*. Communism may be dead, but clearly not dead enough // The Guardian. February 16, 2006. О масштабах репрессий после освобождения Франции от нацистов писал английский журналист, прославившийся своими репортажами из воюющего СССР: «всё-таки во Франции после четырёх лет вражеской оккупации и двух лет “органического сотрудничества” между французской и немецкой полицией было гораздо меньше репрессий, чем предпринималось приблизительно в то же время в некоторых других странах, которые также были оккупированы Германией, а именно в Бельгии, Голландии и Норвегии». Всего

Даже Х. Арендт в итоге поняла, — с высоты опыта

во Франции было казнено: 8.438 — без суда, 1.325 — по решению специальных трибуналов, приговорено к смерти регулярными судами — 2.800, 9.910 смертных приговоров вынесено заочно. К разным срокам заключения приговорено 39.000. Автор сравнивает это число с числом приговорённых к заключению коллаборационистов в странах с кратно меньшим населением: в Бельгии — 50.000, Голландии — 50.000, Норвегии — 48.500» (*А. Верт*. Франция 1940–1955 [1956]. М., 1959. С. 250–251, 253). Его дополняет французский исследователь: «Чистки, организованные государством [помимо “диких чисток”, самосудов], были достаточно суровы. Расследовали 350 тыс. дел, [то есть] одному проценту французов пришлось отчитаться в том, что они делали во время войны. Против 125 тыс. человек возбудили уголовные дела, 1500 вынесли смертный приговор, 38 тыс. были отправлены в тюрьмы. Франция оказалась наиболее суровой в смысле вынесения количества смертных приговоров (39 случаев на 1 млн. жителей во Франции, 29 — в Бельгии, 10 — в Норвегии), но проявила мягкость в отношении тюремного заключения (12 случаев на 10 тыс. жителей во Франции, 55 — в Бельгии). Можно добавить, что чистки прошли и в управленческом аппарате. Наказание понесли от 22 до 25 тыс. чиновников [то есть точное их число до сих пор неизвестно — *М.К.*] ... Некоторых сажали в тюрьму только потому, что соседи полагали, будто те виновны, даже если против них не было улик... » (*Оливье Вьевиорка [Wieviorka]*. Возрождение Франции: возвращение, чистки, восстановление // Победители и побеждённые. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия. США (1941–1950) / Под ред. Б. Физелер, Н. Муан. М., 2010. С. 37–40). См. также собра-

Хиросимы — самодостаточный характер и достаточный вес милитаристского опыта для генезиса тоталитаризма, в описании истоков которого у Арендт уже не лидировали требования доктрины:

> «Первая мировая война впервые со всей наглядностью продемонстрировала чудовищный разрушительный потенциал современного оружия... Семена понятия о тотальной войне проросли не раньше, чем произошла Первая мировая война, во время которой различие между военным и гражданским населением уже не бралось в расчёт, поскольку было несовместимо с применением новых видов оружия... Потока насилия, выплеснувшегося в ходе и в результате Первой мировой войны, было бы вполне достаточно для последующих революций даже в том случае, если бы вовсе не существовало никакой революционной традиции, даже если бы никогда раннее не происходило никаких революций»[42].

Итак, вместо внеидеологического социального и институционального анализа, исследователи сталинизма через призму «тоталитаризма», касаясь его предпосылок и места в истории, по-прежнему чаще

ние исследований о репрессивной биополитике в середине XX в. Европе и Азии: Qu`est-ce qu`un déporté? Histoire et memoires des deportations de la Seconde Guerre mondiale / Sous la directions de Tal Bruttmann, Luarent Joly et Annette Wieviorka. Paris, 2009.

[42] *Х. Арендт.* О революции [1963]. М., 2011. С. 8, 10, 15.

всего воспроизводят либо схемы меньшевистской и троцкистской критики сталинского режима **как его внутренней критики**[43], либо схемы либертарианской доктрины «тоталитаризма». Наиболее свободная историографическая традиция, чаще всего представленная «ревизионизмом», просто отказывается от самого имени этой доктрины, в отношении СССР предпочитая говорить об исторически конкретном и хронологически ограниченном сталинизме. В собственно русской историографии, традиционно сильной своим позитивизмом, но часто слабой в отношении миметических «теорий», «тоталитаризм» всё ещё собирает свою жатву, превращая даже золото науки в пропагандистские черепки.

---

[43] Психология такой единоприродности даже при радикальной критике хорошо выражена таким известным ожесточённым противником большевизма, как С.П. Мельгунов (1879—1956): «Мы не можем отказаться от сознания, что имеем дело всё же с людьми своего круга, одинакового общественного воспитания, одних и тех же общественных традиций и положения и, наконец, даже, в конце концов, одной, в сущности, идеологии» (Тюремные записки С.П. Мельгунова. 1920 год. Сб. документов / Автор-составитель И.Ю. Бережанская. М., 2015. С. 64).

Ненужный диагноз тоталитаризма

Русский политический класс дореволюционной России, проигравший большевикам в Гражданской войне и в большей своей части выброшенный в эмиграцию, естественным образом всю свою интеллектуальную энергию посвятил осознанию причин и исследованию практики советской власти и правящего большевизма. Политическими центрами русской эмиграции и её прессы стали Париж, Берлин, Прага и Белград. Серьёзной поддержкой для актуальности и точности их исследований стал сохранявшийся, хоть и быстро мелеющий, до начала 1930-х годов поток политических беженцев из Советской России и СССР за границу. Местом для старожильческого русского населения и первичной концентрации беженцев стали страны-лимитрофы на развалинах бывших империй, их национальные окраины, к которым тогда причисляли Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу,

Чехословакию, Венгрию. Центром для резидентур западных разведок, профессионально собиравших информацию из СССР, была Рига.[44]

Пока в Италии, Германии и других странах увлекались превращением общефилософского понятия total и его применений в острое оружие тоталитарности, именно русская эмиграция более всего сделала для целостного анализа предпосылок и характеристик большевистской диктатуры, помещая её в глубокий исторический и широкий социально-политический контекст. Важной для такого анализа была свобода абсолютно доминирующего большинства русских интеллектуалов от буржуазного признания капитализма вершиной развития человеческой цивилизации. Особую роль играло и высокое качество русской школы социальной, социологической, юридической, исторической, экономической мысли, позволявшее легко видеть реальные механизмы социальной жизни и политико-экономической власти в России за лесом риторики и пропаганды.

Едва ли не первым медицински точно определил суть риторической «диктатуры пролетариата» и разоблачаемой, но столь же риторической, «диктатуры партии» великий русский философ права П.И. Нов-

---

[44] Именно в Риге начал свою профессиональную карьеру американский знаток СССР, идеолог «холодной войны» против СССР и основатель школы по подготовке советологов и прозападной агентуры в России Джордж Ф. Кеннан (1904–2005).

городцев (1866–1924) (что примечательно, в считающейся предсмертно слабой, уходящей от реальности статье). Посмертно опубликованная статья П.И. Новгородцева провидчески формулировала и проблему видимой политической социалистической диктатуры над массой, чьим именем она пришла к власти, и – главное – формулу вырождения этой более или менее представительной диктатуры в диктатуру принципиально не избираемую, олигархическую. То есть Новгородцев (в статье, которая считается примером его терминальной интеллектуальной слабости и социологической капитуляции) заранее неожиданно точно представил себе искушение поверхностно нарисовать образ «партийной диктатуры» и заранее же указал на факт её превращения в диктатуру партийной олигархии:

> «...идея народовластия была отвергнута. На место её была поставлена так называемая диктатура пролетариата, практически сводящаяся к олигархическому господству партийных вождей, властвующих и над своей партией и над народом при помощи демагогии и тирании».[45]

---

[45] *П. Новгородцев*. Восстановление святынь // Путь. Париж, 1926. № 4. С. 45. Популярный разоблачитель сталинской диктатуры Лев Троцкий только десять лет спустя обрисовал её основу не как абстрактную «партийную диктатуру», а как несомненно более точную власть иерархов: «От партийной демократии остались одни воспоминания

Борис Вышеславцев

В том же журнале Н. А. Бердяева «Путь» другой великий русский мыслитель Б. П. Вышеславцев (1877–1954), остроумно апеллируя к древнегреческой утопии о государстве Платона, программно описывал большевистский режим в его тесном родстве с основными характеристиками индустриального капитализма:

«Платон был истинным законодателем социализма и коммунизма, навеки декретировавшим его содержание. (...) 1. Коммунизм есть *законничество*, декретизм – всепроницающее регулирование нормами. Гражданин ваяется законом, как статуя резцом и нет никаких частей тела и души, которые оставались бы неприкосновенными для этого резца. 2. Коммунизм есть *этатизм*, по-

---

в памяти старшего поколения. Вместе с ней отошла в прошлое демократия советов, профессиональных союзов, кооперативов, культурных и спортивных организаций. Над всем и всеми неограниченно господствует иерархия партийных секретарей. Режим получил “тоталитарный” характер за несколько лет до того, как из Германии пришло это слово» (*Л.Д. Троцкий*. «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идёт?» [1936]).

литизм: всё концентрируется в руках государства, общины, коммуны: жизнь, собственность, семья, религия, искусство. 3. Всё частное право поглощается публичным правом. Платон не знает субъективных прав, непроницаемых для коммуны. (...) 5. Коммуна организуется и управляется сверху, олигархически, «философами» компартии, созерцающими истинные идеи. (...) 7. Коммунизм есть по существу своему военный коммунизм и строится как казарма. (...) На самом деле коммунизм есть *предел* капитализма и возведение в предельную степень того зла, какое Маркс ставил в упрёк капитализму: Капитализм обращает *многих* в пролетариев, в рабочих и с развитием своим всё большее количество хозяев делает рабочими – коммунизм обращает всех в рабочих, за исключением тех, кто властвует над рабочими. Капитализм делает свободу договора для рабочего *минимальной*, почти иллюзорной – коммунизм её *уничтожает совсем*. Капитализм отнимает орудия производства у *многих* и сосредоточивает их в немногих руках – коммунизм отнимает орудия производства у *всех* и сосредоточивает в единых руках. Капитализм уничтожает в значительной степени быт, религию, семью (как на это злорадно указывал Маркс) – коммунизм отрицает быт, религию, семью совсем. Капитализм поглощает автономию *многих* частных хозяйств. Коммунизм уничтожает автономию частного хозяйства *совсем*. Коммунизм есть монопольный и суверенный капитализм, в котором права новых «хозяев» бесконечно увеличи-

лись, а права рабочих бесконечно уменьшились. Они собственно равны нулю: ибо раньше рабочие имели право забастовать или перейти к новому хозяину – теперь это невозможно. Прежние хозяева властвовали *экономически*, но не политически: они не могли судить, управлять, законодательствовать; новые хозяева – делаются носителями экономической и политической власти, бесконечно более абсолютной и всеобъемлющей, чем власть помещика над крепостными».[46]

---

[46] *Б.П. Вышеславцев*. Парадоксы коммунизма // Путь. № 3. Париж, 1926. С. 111–113. В годы Великой Отечественной войны пойдя на службу к нацистам, Вышеславцев пытался применить свои разработки к про-нацистской антикоммунистической пропаганде, по условиям времени запоздало напоминая об антикапиталистической риторике нацистов, когда они уже искали нового сепаратного соглашения с Англией и США против Сталина: «*капитало-коммунизм* есть самая тираническая форма властвования и самая последовательная форма эксплуатации. Она осуществляет и завершает все стремления капитализма: *коммунизм есть последнее слово капитализма*. (...) *фашизм* есть настоящее чудо истории: он совершил грандиозную социальную революцию, не казнив ни короля, ни королеву, ни Папу, ни духовенство, ни аристократию. Без террора и ограбления он уничтожил капиталистический строй, парламентаризм и плутократию. *Национал-социализм* тоже пришёл к власти и совершил социальную революцию не посредством террора, даже не посредством гражданской

Герберт Маркузе

Не будь перед антисоветской пропагандой прикладных узкополитических задач и не будь у неё идеологических ограничений, ещё не научившихся толком противопоставлять (демократический) социализм и коммунизм, а противопоставлявших коммунизму более всего оправдание капитализма как благой «философии неравенства», она сочла бы такое опровержение коммунизма вместе с породившим его капитализмом сильным и перспективным. Такое опровержение коммунизма и теперь может служить фундаментом для целостной теории индустриального (и постиндустриального) тоталитаризма, технологически единого и в условиях коммунистической колхозно-лагерной казармы, и в условиях казармы капиталистической, и в условиях тотального социального контроля и надзора «большого брата» в современности постиндустриальной. Но такую дистанцию равно от коммунизма и от капитализма, преодоление внеполитического рабства и тоталитарности индустриализма западная

войны, а посредством грандиозного плебисцита, путём чисто *демократическим*» (*П. Салтыков [Б.П. Вышеславцев]*. Коммунистический капитализм // Новые Вехи. Прага, 1944. Октябрь. Кн. 1. С. 25, 32).

мысль смогла позволить себе значительно позже — и уж точно не внутри борьбы против коммунизма, а после погашения своих партийно-служебных обязательств. Сотрудник Управления военной информации США с 1940 года, сотрудник Управления стратегических служб (будущего ЦРУ) США с 1943, сотрудник Государственного департамента США в 1945—1952 гг., немецкий эмигрант и мыслитель Герберт Маркузе (1898—1979) лишь годы позже позволил себе такую же внепартийную теорию тоталитаризма:

> «Сам способ организации технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо “тоталитарное” здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счёт манипуляции потребностями посредством имущественных прав. (...) Тоталитаризму способствует не только специфическая форма правительства или правящей партии, но также специфическая система производства и распределения, которая вполне может быть совместимой с “плюрализмом” партий, прессы, “соперничающих сил” и т.п. В настоящее время политическая власть утверждает себя через власть над процессом машинного производства и над технической организацией аппарата. Правительство развитого и развивающегося индустриального общества может удерживать своё положение только путём мобилизации, органи-

зации и эксплуатации технической, научной и механической продуктивности, которой располагает индустриальная цивилизация. Эта продуктивность мобилизует общество как целое поверх и помимо каких бы то ни было частных индивидуальных и групповых интересов. (...)

В обществе тотальной мобилизации, формирование которого происходит в наиболее развитых странах индустриальной цивилизации, можно видеть, как слияние черт Государства Благосостояния и Государства Войны приводит к появлению некоего продуктивного гибрида. ...Основные тенденции такого общества уже известны: концентрация национальной экономики вокруг потребностей крупных корпораций при роли правительства как стимулирующей, поддерживающей, а иногда даже контролирующей силы; включение этой экономики в мировую систему военных альянсов, денежных соглашений, технической взаимопомощи и проектов развития... вторжение общественного мнения в частное домашнее хозяйство; открытие дверей спальни перед средствами массовой коммуникации».[47]

В отличие от такого, критического, систематического направления анализа, — марксистский оппозиционный, анализ того экономического и политического режима, который установили в России

---

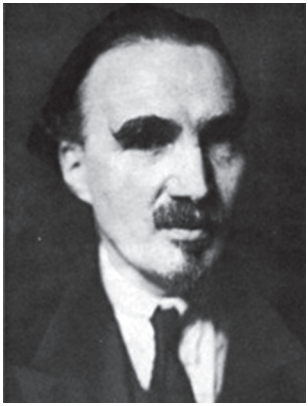
[47] *Герберт Маркузе*. Одномерный человек [1964] / Пер. А.А. Юдина. М., 2009. С. 19, 20, 40—41.

большевики, не обладал достаточной гибкостью и сквозь политический и пропагандистский шум с трудом пробивались лишь немногие формулы, претендовавшие раскрыть, говоря словами его радикального врага П.Б. Струве, «итоги и смысл (советского) коммунизма». В центре анализа, конечно, стояла военная и политическая диктатура, но далее начинались терминологические сомнения. Доктринально мотивированный всей марксистской традицией и исторически вдохновлённый актуальной англо-германской практикой «военного (государственного) социализма» периода Первой мировой войны, советский «военный коммунизм» 1918–1921 гг., то есть созданный Лениным режим прямой военной эксплуатации лично свободного земельного собственника, полностью совпавший со временем Гражданской войны в России, в целом так и не успел вдохновить исследователей на создание его интегрального описания. Все дальнейшие попытки критически описать советскую довоенную политику и экономику исходили из невоенной реальности, в центре которой стояла проблема отношения Советской власти к массовому крестьянскому мелкотоварному производству и мелкой крестьянской собственности на землю. Реализованная начиная с 1921 года ленинская же «новая экономическая политика» дала максимально возможный в советских условиях простор для доминирующего негосударственного мелкого и среднего товарного производства и сферы услуг, а крупное производство организовала в государственные тресты, – и получила в устах социалистических крити-

ков СССР устойчивое обозначение *государственного капитализма*. А начатая в 1927 году и завершённая к началу 1930-х гг. сталинская принудительная, ускоренная, подобная социальной революции, коллективизация сельского хозяйства уничтожила товарное доминирование мелкого крестьянского хозяйства, отведя частной товарной экономике вторичную роль участника «колхозного рынка», и таким образом пронизала всю экономическую жизнь СССР вертикально интегрированными ведомствами государственного хозяйства — такую систему критики СССР назвали менее устойчивой формулой-аналогией *советского фашизма*, то есть корпоративистского государства, которая так и не смогла вытеснить и даже победить расхожую формулу советского государственного (бюрократического) капитализма.

Видимо, именно русский правовед и социолог, а затем, наряду с П.А. Сорокиным, основатель американской социологии Н.С. Тимашев (1886—1970), проведя конституционалистский анализ и отыскивая механизм централизации советских национальных республик, нашёл такой в коммунистической партии. Он писал: «Власть, по идее базирующаяся на представительстве “трудящихся”, ...по существу находится в полном подчинении у своеобразной социальной организации, именуемой коммунистической партиею». Он же определил советские органы и партийные органы как «две ветви власти»,[48] не смея

[48] *Н.С. Тимашев*. Проблема национального права в Советской России // Современные Записки. Кн. XXIX. Па-



Георгий Федотов

наделить партию образом диктатуры. Но мысль была подана, немецкий читатель стал одной из первых её аудиторий — и штамп «диктатуры пролетариата», пропущенный через троцкистскую критику «аппаратного диктата» над пролетариатом, начал превращаться в «диктатуру партии». И это именно тогда, когда после ноябрьской демонстрации троцкистов в 1927 году их внутрипартийное существование сделалось невозможным, а сама партия в считанные годы превратилась в ведомство, соревнующееся за влияние с ОГПУ, рядом экономических вертикалей, армией — и затем капитулировавшее перед НКВД.

Известный критик сталинского СССР, социал-демократ, успешный университетский историк, советский невозвращенец 1925 года Г.П. Федотов (1886—1951) уже в середине 1930-х уверенно описывал режим Сталина (возводя его начало и авторство к Ленину, вернее — на деле — лишь к идеям Ленина о ме-

---

риж, 1926. С. 394—395. Тимашев ссылается на постановку этой проблемы в своём немецком труде: N. Timascheff. Grundzuge des sowjetrussischen Staatsrechts. Mannheim-Berlin-Leipzig, 1925. Об этом см.: *А.В. Урядова*. Советская Россия 1920-х: восприятие эмиграции. Ярославль, 2011. С. 193—196.

ханизме *вожди – партия – класс – массы*[49]) как функционально и принципиально близкий режимам Муссолини и Гитлера, определённо расставляя *именно партийные социалистические* акценты – и ясно преодолевая их – и *чрезмерные для антисоветской пропаганды различия* в описании того, что в теории их объединяло, и глубоко выявляя то, что затем станет на многие десятилетия предметом каждый раз всё новых социологических вдохновений о социальной природе коммунистической власти и др.:

> «Долгое время демократия брала за одни скобки фашизм и коммунизм на основании лишь формально-политического сходства. Тоталитарное государство, упразднившее всякую личную свободу, управляемое единой партией под властью неограниченного вождя. Сходство действительно разительное, которое объясняется не социологическим параллелизмом, а сознательным изобретением и подражанием. Изобретателем был Ленин, а Муссолини и Гитлер заимствовали у него политическую систему: абсолютизм, партия, вождь. Но, конечно, в эту политическую систему они вложили совершенное иное идеологическое и социальное содержание. Вместо диктатуры пролетариата – власть надклассового государства, опирающегося главным образом на средние слои; вместо интернационала – религия нации. За всем тем у врагов оставалось общим антикапиталисти-

---

[49] В книге В.И. Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (1920).

ческое острие, но сильно смягчённое в фашизме. Экономический этатизм роднит фашистский строй с социализмом в такой мере, что партия Гитлера называется рабочей и социалистической. Буржуазия видит в фашизме своего спасителя; она выбирает его, как меньшее зло. (...)

За последние годы социальное и идеологическое содержание сталинской диктатуры совершенно переродилось. Государство перестало быть классовым и перестало быть марксистским... Этому соответствует в идеологии борьба с марксизмом и постепенная замена его элементами национальной культуры... Национальное сознание в очень острой и повышенной форме — национальной гордости и даже тщеславия — сменило прежний интернационализм. Спрашивается — что же отделяет теперь строй и миросозерцание СССР от фашистских держав? Прав ли А.Ф. Керенский, назвавший сталинскую Россию страной фашизма? И да, и нет. Скорее, да. Как страна националистического социализма, СССР бесспорно стоит в ряду фашистских государств Европы. (...)

Политически Россия переросла уже стадию фашизма. Из трёх политических элементов фашизма — вождь, партия, народ — вождь уничтожил партию, как носительницу самостоятельной идеологии, и не нуждается более в подогревании народного энтузиазма, в длении революционной лихорадки».[50]

---

[50] *Г.П. Федотов*. СССР и фашизм [1936] // Г.П. Федотов. Собрание сочинений в 12 т. Т. 7 / Сост. С.С. Бычков. М., 2014. С. 59–60.

Дидактически подробно, хрестоматийно разобрав на двух страницах своей политической статьи многие будущие глубокомысленные глубины теорий тоталитаризма, Г.П. Федотов же вскоре начал ревизовать его особый доктринальный потенциал, возвращая *слово-теорию* к его общекультурному и общеисторическому смыслу. Уже в 1940 году Федотов, к счастью для его интеллектуальной совести, обнаруживает, что советский тоталитаризм вовсе не был создан Лениным как проект строительства нации и даже позже – вовсе не возникает по мере сталинской «национализации». Он замечает, что – в отличие от фашизма в Италии и Германии – «в России тоталитарный строй коммунизма вырос не на идее нации. Как раз наоборот, он питался ненавистью к Российскому государству и его национальным традициям».[51] И это значит, добавлю, что возможен и реален антинациональный и антигосударственный тоталитаризм, как бы ни рядился в одежды борца с тоталитаризмом глобалистский коммунизм Троцкого. И тогда же, в другом месте, Федотов находит в современности не только троцкистские, то есть интернационалистские внушения тоталитаризма,[52] окончательно возвращая

---

[51] *Г.П. Федотов*. Опоздавшие [1940] // Там же. С. 327.

[52] Исследователь Троцкого резюмирует: «Троцкий использовал термин “тоталитаризм” применительно к сталинскому режиму в СССР и гитлеровскому в Германии. Он не вкладывал какой-либо научно-социологический смысл в этот термин, который был для него лишь хлёстским

порождающий его пафос в пространство категорий тотальности, равно присущих и интернационализму, и суверенному патриотизму, и — horribile dictu! — либерализму:

> «Коммунизм сгинет вместе со своими идеологическими катехизисами. Но Московия останется. Останется тоталитарное государство, крепкое не только полицейской силой, но и тысячелетними инстинктами рабства. Разбить его может лишь новый — столь же тоталитарный, то есть религиозный — идеал свободы, который некогда разложил и старую Московию».[53]

Повторяя вслед за политической публицистикой штампы о некой реальной тоталитарности фашистской Италии Муссолини — только лишь, видимо, потому, что она была союзницей гитлеровской Германии, и потому, что именно в Италии 1920-х родилась мысль словесно управлять *тотальностью* и операционализировать такое управление в *тоталитарности*, никто так на деле и не смог показать и доказать, в чём состоял технический механизм *тотального, тоталитарного* политического, социального,

---

определением жестокого, диктаторского, репрессивного режима, а не научной категорией» (*Георгий Чернявский*. Лев Троцкий. М., 2012. С. 566, прим.3).

[53] *Г.П. Федотов*. Федерация и Россия [1940] // Там же. 317.

экономического контроля в фашистской Италии, чей государственно-монополитический капитализм того времени в известных теориях назывался даже не «дирижистским» (как во Франции), а всего-навсего «ассистенциальным», то есть предметом не управления и контроля, а лишь принудительного соучастия, подобного криминальному принуждению к разделу прибыли от всего, что приносит доход. Не смог потому — что он был в Италии невозможен и просто отсутствовал в этой стране, риторически причисленной к «тоталитарным». Не смог и потому, что, примись такой исследователь перечислять подобные фашистской Италии современные ей диктатуры в крестьянских странах *только* Европы, как в ряду их оказались бы Португалия, Испания, Болгария, Венгрия, Румыния, Польша, Литва, Латвия, Эстония — и бич «тоталитаризма» утратил бы свою избирательную управляемость.

Выдающийся по идейной и описательно-схематической силе труд Н.А. Бердяева (1874—1948) «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), написанный почти одновременно с финальной версией сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938), но увидевший свет сначала на английском и немецком языках, а на русском увидевший свет лишь в 1955, стал поэтому — хоть и русским по сути, но — адресованным именно западному читателю внутрироссийским идейным «завещанием» о коммунизме и сталинизме, чьё доктринальное влияние следует признать главным

и центральным для западной советологии, для которой Бердяев, вряд ли сам того желая, написал не очень сложный интеллектуальный букварь, памфлет, а не историю, в котором только русские глаз и опыт могли различить следы подлинных исторических фактов, а не агитационных комиксов по истории России. Здесь же важно уточнить, что анализ текста Бердяева позволяет сфокусировать период наиболее интенсивной работы автора над текстом, исследуя принятые в нём реалии: например, Бердяев, всегда очень внимательный к именам институций, решительно именует ведомство внутренней полиции в СССР «ГПУ» (ОГПУ в 1923–1934 гг.),[54] а не поглотивший его

---

[54] *Н.А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма [1937] // Н.А. Бердяев. Избранные труды / Сост. Т.А. Филиппова, П.Н. Баратов. М., 2010. С. 358, 361, 392. Кроме того, Бердяев здесь указывает на свои статьи 1931–1932 гг. как на актуальные и особо ценные книги о русском коммунизме, принадлежащие к тому же и ещё более раннему времени (даю их исправленные и полные описания): *René Fülöp Miller*. Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. Zürich, 1926; *Waldemar Gurian*. Bolshevism: Theory and Practice. New York, 1932; *Curzio Malaparte*. Le bonhomme Lenine. Paris, 1932; *Fedor Stepun*. Das Anlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Berlin / Leipzig, 1934 (С. 333). Точно также изданная Бердяевым в 1946 году книга «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века», судя по тексту, также написана не только за-

НКВД, ставший инструментом массового террора, то есть формулирует свои главные описания режима не позже 1934 года, фактически игнорируя фундаментальный смысл Большого террора 1937–1938, который собственно и придал, помимо войны, всю присущую СССР меру тотальности.

Формально адресованный западному читателю, труд «Истоки и смысл русского коммунизма» повторял историческую внутреннюю полемику в России, дидактически и схематично представленную как спор западников и славянофилов, и предупреждал, что для понимания русского коммунизма «знание [интернационального] марксизма не поможет»,[55] то есть прямо ограничивал фундамент истории СССР сугубо национальной традицией, произвольно и риторически проводя прямую связь между мифом Третьего Рима и реальностью Третьего Интернационала[56] (как

долго до войны, но и до Большого террора и, например, обсуждает как позитивную новость СССР сталинскую конституцию 1936 года (*Н.А. Бердяев*. Избранные труды. С. 609).

[55] *Н.А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 241.

[56] *Н.А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 359. Можно было бы иронически добавить, что по такой логике в ряду с Третий Рим – Третий Интернационал не хватает только гитлеровского Третьего Рейха или Третьей республики во Франции... Но эту комичную логику (и от-

якобы сугубо национального проекта России, а не инструмента мировой революции). Интересно, что эта замкнутость на национальном опыте и подчинение ему выводов интернационального свойства,[57] которыми Бердяев решил поделиться с западными читателями, непосредственно сослужила особую службу доктрине «тоталитаризма», последствия которой западным демократиям пришлось исправлять специально, чтобы сделать из этой доктрины оперативный агитационный инструмент. В 1937 (!) году, перед реальностью Гитлера, Муссолини и Сталина, уже широко «породнённых» антикоммунистической критикой, Бердяев писал для английских и немецких читателей, а после войны новые издания тиражировали его утверждение о том, что:

> «Русское коммунистическое государство есть единственный сейчас в мире тип тоталитарного

нюдь не иронично) продлил сам Бердяев: «государство рассматривается как церковь... так было в средневековой христианской теократии, так и в советской, коммунистической теократии, так и в Гитлеровском третьем царстве, так и во всяком государстве, претендующем на тоталитарность» (С. 381).

[57] На этой универсальности Бердяев настаивает, несмотря на всё обнаружение и утверждение его исторически национального характера: «Русская революция универсалистична по своим принципам, как и всякая большая революция...» (*Н.А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 333).

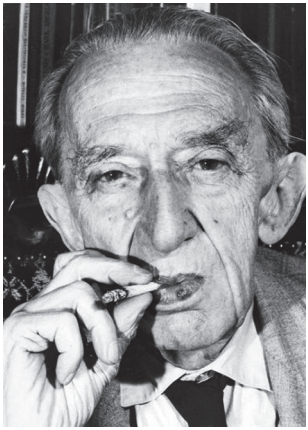
государства, основанного на диктатуре миросозерцания, на ортодоксальной доктрине, обязательной для всего народа. Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это, к сожалению, вполне согласно со старыми традициями русской государственности».[58]

Здесь Бердяев явно разрушает, сужает особый терминологический смысл *тоталитарности* как особой разновидности государственного режима, **ясно уподобляя тоталитарность *только* целостному миросозерцанию и идеократии**[59]. В этом понимании Бердяев отражал терминологию той традиции

---

[58] *Н.А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 358.

[59] Вот его формулировки: «предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания», «целостное, тоталитарное миросозерцание», «тоталитарная, целостная революционность», по Ленину (видимо, в «Детской болезни “левизны” в коммунизме», «партия... должна готовить диктатуру над всей полнотой жизни», «нужна целостная доктрина, целостное миросозерцание», «коммунистическое государство есть диктатура миросозерцания», «коммунистический строй есть крайний этатизм, в нём государство тоталитарно, абсолютно, он требует принудительного единства мысли» (*Н.А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 334, 336, 337, 338, 339, 371).



Дьёрдь Лукач

русской мысли первой трети XX века в эмиграции, что в *тоталитарности* более всего видела претензии и последствия *тотальности*,[60] а укоренённую в немецкую интеллектуальную культуру *тотальность* понимала как надпартийную цельность и целостность. В этом понимании он, не скрывая того, следовал и за советским и венгерским марксистом Д. Лукачем (1885–1971), который уже с ранних 1920-х гг. толковал подлинный коммунизм и подлинную революционность как *целостность и тотальность*.[61] В **январе 1921 года** Д. Лукач, анализируя наследие Розы Люксембург, задал очень высокую планку, которую, очевидно, в СССР, где он вскоре поселился

---

[60] См., например: *В.В. Зеньковский*. Тоталитарная идея и проблема воспитания // Бюллетень религиозно-педагогической с православной молодежью. №№ 1 (13), 2 (14). Париж, 1937. Общий контекст этой традиции прекрасно представлен в важном указателе: *А.А. Ермичёв*. Философское содержание журналов русского зарубежья (1918–1939 гг.). СПб., 2012.

[61] *А.Н. Дмитриев*. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.). СПб.; М., 2004. С. 175–177, 218.

на 1929–1945 годы, её никто идейно не поднял и не достиг, а в русской мысли в целом заслуженно высоко оценил Бердяев, в 1937 году, когда сам начал размышлять о тотальности коммунизма (а в начале 1920-х, в России и в эмиграции, этого масштаба не видел). Лукач писал о тотальном горизонте революции и коммунизма из Вены:

> «Не господство экономических мотивов в объяснении истории решающим образом отличает марксизм от буржуазной науки, а точка зрения тотальности. Категория тотальности, всестороннее, определяющее господство целого над частями есть сущность того метода, который воспринял Маркс от Гегеля... Господство категории тотальности есть носитель революционного принципа в науке. (...)
>
> Тотальность предмета может быть положена лишь тогда, когда полагающий субъект сам является тотальностью. Когда полагающий субъект, чтобы мыслить себя самого, вынужден мыслить предмет как тотальность. Эту точку зрения тотальности как субъекта в современном обществе представляют единственно и только *классы*».[62]

Об этом же в те годы писал и молодой немецкий марксист Г. Маркузе из Фрайбурга:

---

[62] *Георг Лукач.* Роза Люксембург как марксист [1921] // Георг Лукач. Ленин и классовая борьба. Сб. / Сост. и пер. с немецкого С.Н. Земляного. М., 2008. С. 171–173.

«Фактическая ситуация капитализма характеризуется не только экономическим и политическим кризисом, но и катастрофой, затрагивающей человеческую сущность; поэтому любые сугубо экономические или политические *реформы* изначально обречены на неудачу. Только посредством *тотальной революции* можно преодолеть рамки актуальной ситуации».[63]

Это общее для австро-германских марксистов и Бердяева понимание тотальности очень хорошо звучит и в письме правого мыслителя И. А. Ильина к другому правому деятелю эмиграции П. Б. Струве от 21 октября 1925 года, в котором он призывает его отказаться от партийности в деле объединения эмиграции:

---

[63] *Герберт Маркузе*. Основания исторического материализма [1932] // Г. Маркузе. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Сост. Э. Финберг и У. Лейсс / Пер. с англ. А. А. Юдина. М., 2011. С. 185. Не случайно, что альтернативная марксистской тотальности «антитоталитарную» «цель, которую поставил перед собой Мизес, состояла в том, чтобы показать, что центральным элементом социализма была теория спасения человечества и искупления его грехов, включавшая и моральные, и материальные аспекты» (*Раймондо Кубедду*. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С. 187).

«С момента “партии” Вы стали *частью*. Вы *конкурируете*. Вы в состязательном состоянии. Вы не Totalitat. А я твёрдо убеждён, что надо *Вам* стать *тотальностью*».[64]

Поклонник итальянского фашизма и лично Муссолини в 1920-х и позже, поклонник гитлеровского нацизма в течение 1930-х, И.А. Ильин (1883–1954) видел в них альтернативу равно капитализму и социализму (как продолжению капитализма), а главное преступление большевизма находил именно не в его тотальных претензиях, а именно в его *партийности*, то есть фактически размывал столь популярное в социалистических кругах обвинение большевиков в установлении партийной *монополии*. Он писал:

«Большевистская власть есть *партийная*, не только потому, что правит *одна* партия, но ещё и потому, что эта партия правит в свою *пользу*».[65]

В подготовленной под его руководством по заказу германских государственных ведомств научно-пропагандистской немецкой энциклопедии советской жизни «Мир перед пропастью» (1931) сам Ильин выступил

---

[64] *И.А. Ильин*. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938) / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 1999. С. 145–146.

[65] *И.А. Ильин*. Яд большевизма [1931] // И.А. Ильин. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 2001. С. 369.

одним из первых, кто декларировал и развил идею о партийной диктатуре в СССР как главную институциональную характеристику советского коммунизма[66], но при детализации её так и не смог преодолеть фактических ей противоречий, сам опровергал себя и законно указывая на хаос в практическом партийном и государственном управлении СССР,[67] что плохо согласовывалось со стройной схемой инфернального партии-ордена, проникающего общество единой централизованной волей. Теория «партийной диктатуры»

---

[66] «Партия составляет сущность государства», «Коммунистической партии обеспечена *безусловная политическая монополия*» (*И.А. Ильин*. Мир перед пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Часть I и II / Сост. Ю.Т. Лисицы [пер. с немецкого О.В. Колтыпиной]. М., 2001. С. 23, 31).

[67] «Государственный аппарат коммунистов *сверхсложен* и *неуправляем*», «в управлении и хозяйстве царит вечная дезорганизация... Советскому государству не удаётся превратить единство диктаторской воли в единую систему учреждений и ведомств» (*И.А. Ильин*. Мир перед пропастью. С. 145, 157). Тогда же, описывая итальянский фашизм, Н.В. Устрялов не может устоять перед искушением приписать правящей партии тотальность, которую однако трудно проследить в социальной реальности Италии того времени: «партия оказывается на деле чем-то множественным, вездесущим, всепроникающим. Она всюду и везде» (*Н.В. Устрялов*. Италия — колыбель фашизма. Сб. М., 2012. С. 209).

и чиновников как господствующего класса оставалась голым публицистическим клише, которое разрушалось при минимальном описании внутренней бюрократической борьбы в СССР – и цепочка монополии *партия – государство – хозяйство* становилась не более чем угрозой, а не реальностью. Реальностью была *олигархическая диктатура, быстро становящаяся личной*. Но таковая, во-первых, совершенно не нуждалась в партийной бюрократии *как субъекте монопольного господства* и во-вторых – очевидно не была способной реализовать тот тотальный контроль над всеми сферами жизни, который вменяли ей её критики. О тотальной «партийной диктатуре» могли говорить только её критики, ангажированные собственной партийной диктатурой.

Иван Ильин

В написанной летом 1938 года при участии И. А. Ильина резолюции «Белого съезда» «О “тоталитарном” государстве» предпринимается попытка понять его как партийную монополию, которая опять же осуждается за неспособность преодолеть партийность как таковую, причём партийность Ильин отвергал ещё тогда, когда ей ещё не вменяли тотальность:

«“Тоталитарное”, т.е. всевластное государство есть явление противохристианское и в России неприменимое. Оно не преодолевает партийности, но доводит её до высшей степени, создавая в стране политическую, религиозную, хозяйственную и культурную монополию одной партии».[68]

Плодовитый Иван Ильин, только что, в 1938 году, бежавший из-под непосредственного надзора нацистов в Германии, столь долго служивших ему предметом почитания, моментально очистил своё сознание от своих недавних фашистских и нацистских симпатий и сосредоточил свой аналитический дар не на самоанализе этих симпатий, а на кратном повторении давно уже произнесённых характеристик сталинского коммунизма, к котором оставалось только применить имя «тоталитаризма». Ильин, в первый год Второй мировой войны, пока западные демократии оставались наедине с Гитлером, детализировал именно угрозы, исходящие от коммунизма и потому позволял думать, что и выехав из Германии в Швейцарию, почему-то продолжал соблюдать главный замысел Мюнхенского сговора об объединении европейских усилий против СССР. Он писал, посреди мировой войны, сохраняя

---

[68] *И.А. Ильин*. Собрание сочинений: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954) / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 2001. С. 504. Отвержение партийности как своекорыстия и разъединения: *И.А. Ильин*. Яд партийности [1928] // И.А. Ильин. Собрание сочинений: Русский Колокол. Журнал волевой идеи / Сост. Ю.Т. Лисицы. С. 286–289.

молчание о Германии и Италии, отводя обвинения от их союзников, об СССР:

> «Коммунистическое государство – принципиально *тоталитарное государство*. Это означает, что оно не только диктаторски правит, но и старается охватить и овладеть целиком всею жизнью... Авторитарное государство совсем не обязательно должно быть тоталитарным: авторитарное правление существует сейчас, например, в таких государствах, как Венгрия, Латвия, Эстония, Испания и Португалия; но ни одно из них не притязает на то, чтобы стать *тоталитарным*, т.е. взять на себя всё, *регулировать всё* и *руководить всем*, включая и мировоззрение. Однако коммунист – последовательный тоталитарист... (...)
>
> Коммунистический террор – не эксцесс, не случайность и не преходящее явление. Он – принадлежность системы. (...)
>
> Коммунизм означает *монополию предоставления работы*, что неизбежно ведёт к *полной зависимости всех до единого от одного–единственного работодателя*».[69]

---

[69] *И.А. Ильин*. Коммунизм и мировой порядок [1940] // И.А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1998. С. 197–200. Перечень авторитарных стран, призванный намекнуть на то, что в Германии и Италии тоже автократии, но не тоталитаризм, полемически напоминает сцену из написанного тогда же «антитоталитарного» романа А. Кёстлера, где призрак сталинского следователя, ведущего коммуниста к капитуляции и самооговору, указывает ему на карту

Весьма компетентный критик коммунизма из круга русской социалистической (но внепартийной) эмиграции Г.П. Федотов тоже из статьи в статью выяснял природу сталинского режима, используя понятие *тоталитарности*. Оно открывалось в его в текстах в, так сказать, первозданной *тотальности,* всеобщей мобилизации и универсальности целостных притязаний: «весь ужас коммунистического рабства заключался в его “тоталитарности”. Насилие над душой и бытом человека...»;[70] «XIX век с его титаническим, почти стихийным ростом производства, как и культурного накопления, приучил нас поверхностно скользить над проблемою производственных сил. Социализм сводится к проблеме распределения. Понадобилось тоталитарное осуществление социализма в СССР, чтобы вопросы производства встали в порядок дня»;[71]

со словами: «над Восточной Европой первой половины двадцатого века властвовал тоталитарный режим» (*Артур Кёстлер*. Слепящая тьма [1940] / Пер. с англ. А.А. Кистяковского. М., 2010. С. 25), то есть косвенно отводит обвинение в тоталитаризме в адрес СССР на те же Венгрию, Латвию и Эстонию (две последние, впрочем, в 1940 году уже были частично или полностью подчинены СССР и потому по идее «освобождались» бы от обвинений)

[70] *Г.П. Федотов*. Сталинократия [1936] // Г.П. Федотов. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 6 / Сост. С.С. Бычков. М., 2013. С. 290.

[71] *Г.П. Федотов*. Создание элиты [1939] // Там же. С. 405.

«Три великих тоталитарных народа находятся не в одинаковых условиях по отношению к культурно-творческим силам... (...) И пусть не ссылаются на примеры Византии, Китая, Египта и других тоталитарных культур древности. Те великие культуры расцвели на органической и глубокой цельности... Строение новой тоталитарности насквозь механично. Здесь направляющие идеи выделываются в партийных комитетах и осуществляются методами полиции. (...) Духовный мир фашизма–нацизма–коммунизма есть прямой ответ на вопрошание гуманистической свободы... Это значит, что фашизм прямо порождён недугом гуманизма. Он хочет быть его исцелением, но на деле является последней, смертельной фазой болезни. Фашизм отвечает на потребность в едином центре жизни. (...) Тоталитарный лагерь, к счастью, не представляет монолитного единства».[72]

Другой — и на этот раз большой, активный, коллективный — претендент на преодоление большевизма в России, евразийство, почти во все годы своего существования утверждало идеократию как свой позитивный идеал. Ещё в 1928 году лидер евразийства Н.С. Трубецкой (1890—1938) уподоблял СССР Сталина и Италию Муссолини как попытки идеократии, а в 1934 году один из активистов движения достраивал ряд за счёт гитлеровской Германии и писал

---

[72] *Г.П. Федотов*. Мы и они [1940] // Там же. С. 433, 430, 429, 420.

о том, как правильная идеократия перехватит инициативу: «после экономического деспотизма капитала наступает эра миросозерцательного деспотизма».[73]

Когда Бердяев сам заводит речь об иных признаках сталинского государства, то мысль его возвращается к обычному для социалистической части русской эмиграции конца 1920-х – началу 1930-х гг. именованию сталинского СССР «фашистским» государством[74], имея в виду, прежде всего тот пример постсоциалистической диктатуры, который в 1920-е гг. явила Италия Муссолини, и которая вызвала такой

---

[73] *Константин Чхеидзе.* Проблема идеократии [1934] // Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост. А.Г. Гачевой. М., 2011. С. 371–372; *Константин Чхеидзе.* Идёт ли мир к идеократии и плановому хозяйству? [1934] // Там же. С. 377. См. также труд ещё одного евразийского теоретика: *Н.Н. Алексеев.* На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности). Париж, 1927.

[74] «Ленин – антигуманист, как и антидемократ. В этом он человек новой эпохи, эпохи не только коммунистических, но и фашистских переворотов. Ленинизм есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделённого диктаторской властью. Этому будут подражать Муссолини и Гитлер. Сталин будет законченным типом вождя-диктатора. Ленинизм не есть, конечно, фашизм, но сталинизм уже очень походит на фашизм» (*Н.А. Бердяев.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 343).

неподдельный интерес у правых антикоммунистов в рядах русской эмиграции (П.Б. Струве, И.А. Ильин, А.В. Карташёв, Ю.Ф. Семёнов и др.): «фашизмом» левые дискредитировали Сталина, в «фашизме» правые видели способ его уничтожения. И Бердяев консолидировался в этом именно с левыми, исподволь преодолевая их заворожённость мифом об однопартийной диктатуре:

> «Коммунизм в период сталинизма не без основания может представляться продолжением дела Петра Великого. Советская власть есть не только власть коммунистической партии, претендующей осуществить социальную правду, она есть также государство и имеет объективную природу всякого государства, она заинтересована в защите государства и в его экономическом развитии, без которого власть может пасть. (...) Сталинизм, т.е. коммунизм периода строительства, перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и как базис, – милитаризованная молодёжь. Ленин не был ещё диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном, фашистском смысле».[75]

---

[75] *Н.А. Бердяев*. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 362. Осознание факта уничтожения ВКП(б) как одного из органов диктатуры и создания личной диктатуры Сталина отнюдь не было редким в русской эмиграции.

Развивая свои наблюдения и формулировки ещё середины 1920-х годов, по умолчанию переписывая для американских издателей свои критические пассажи против марксизма и коммунизма 1944–1945 гг., опубликованные (под псевдонимами) в органах гитлеровской пропаганды, в 1953 г. Б.П. Вышеславцев подвёл «под венцы» свои наблюдения об одновременном изживании и саморазрушении капитализма и социализма как продуктов индустриализма и тоталитарности как неизбежного следствия этого индустриализма. Уверенной рукой сводя в современности наследие и практику русских философов права В.С. Соловьёва (1853–1900), П.И. Новгородцева и Г.Д. Гурвича (1894–1965)[76], он писал в специальном разделе своего главного социально-философского и социологического труда, вершинного для русской мысли XX века исследования общеевропейского Модерна, «Кризис индустриальной культуры» – «Угроза тоталитарной технократии», исподволь помещая хрестоматийный «тоталитарный» пример СССР, нацистской Германии и фашистской Италии в доминирующий контекст общей для них и для «демократий» индустриальной эпохи:

См., например: *Л. Торопецкий*. От диктатуры партии к единодержавию // Русские Записки. Кн. XVII. Париж, 1939.

[76] Специально об используемой Вышеславцевым антитехнократической теории «этатистского тоталитаризма» Г.Д. Гурвича см.: *М.В. Антонов*. Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича. М., 2013. С. 205.

«Самые убеждённые друзья хозяйственной демократии, если они являются не демагогами, а серьёзными социологами и социальными философами, принуждены исходить из факта существования технократической тенденции индустриализма. (...) Угроза состоит в соединении политической и экономической власти в руках единой олигархии. Такое соединение необходимо принимает форму тоталитарного государственного хозяйства в тоталитарном государстве. Для Прудона оно было далёкой угрозой, но для нас оно есть “реальный факт”. Тоталитарная *технократия* стоит перед нами в форме авторитарного социализма или “коммунизма”, т.е. именно так, как предвидел Прудон. В индустриальную эпоху тоталитарная власть невозможна без захвата индустриального техно-бюрократического аппарата, он именно и даёт экономическую власть, а в сущности и политическую власть. (...) Когда два других тоталитарных государства были разбиты и отпали, оставшееся (их старший брат) бесконечно усилилось. Его индустриальный технократический аппарат владеет огромной захваченной территорией и подчиняет себе огромную массу населения. Угроза мировой коммунистической тоталитарной технократии как раз и есть та угроза, которая “поставлена реальными фактами”».[77]

---

[77] *Б.П. Вышеславцев*. Кризис индустриальной культуры [1953] // Б.П. Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения / Сост. В.В. Сапов. М., 2006. С. 557–558.

Именно в советской, преимущественно промышленной технократии, якобы всесильной, видит Вышеславцев главного носителя тоталитарных претензий, но характеризует его так, что его собственно коммунистическая идеология и угроза явственно отходит на второй план перед логикой интернационального и всеобщего индустриального уклада: «**правящий класс** всякого индустриального государства. Он становится технократией, если захватывает в свои руки “орудия производства” и политическую власть».[78]

Именно эта **тоталитарная технократическая олигархия и технократическая диктатура**, этот социально-экономический эсхатологизм Вышеславцева, как представляется, и ныне, и до сих пор не имеющий внятной не-эсхатологической альтернативы, и критически поражает *всякий* политический и экономический режим внутри индустриализма. И не даёт политическому заказчику «холодной войны» и доктрины тоталитаризма превратить мысль Вышеславцева в полное подспорье антисоветской агитации. Он пишет:

> «Совершенно неважно, захватят ли техники и бюрократы политический аппарат, — или захватят политики техно-бюрократический аппарат: в том и другом случае на вершине окажется пункт со-

---

[78] *Б.П. Вышеславцев*. Кризис индустриальной культуры. С. 558, прим.

впадения политической и техно-экономической власти. Его можно наглядно созерцать во всяком тоталитарном государстве в лице “вождя”, возглавляющего неизбежное “политбюро” или какую иную олигархию. Люди, жаждущие власти, существовали всегда, но технократия существовала не всегда: она есть имманентное зло индустриализма. Борьба с технократией есть борьба с *тоталитарной индустриализацией*, и она возможна не иначе, как при помощи *демократизации*, т. е. борьбы за свободу, за автономию личности, за народный суверенитет. (...) Завершённая технократия есть тоталитарная индустриализация, тоталитарное государственное хозяйство в тоталитарном государстве. Имманентное зло индустриализма здесь достигает своего предельного развития и вытесняет всё, что было доброго и ценного в христианской культуре: либеральное правовое государство, свободу личности, свободу духа, этику любви, эстетическое созерцание, религиозную жизнь. Получается нечто невиданное в истории, нечто новое, изумительное и устрашающее. Уже индустриальная революция была новым и неожиданным явлением. (...) Тоталитарное государство несколько раз существовало в истории; тирании и свержение тираний хорошо известны человечеству, но *тоталитарная технократия*, с её техникой власти и властью техники, не существовала ещё никогда. И освободиться от её тирании, свергнуть её нелегко. Не совсем даже ясно, что может озна-

чать такое освобождение: разбить индустриальный аппарат нецелесообразно и невозможно: передать его в другие руки не значит от него освободиться».[79]

Итак, Вышеславцев в своём описании тоталитаризма был слишком критичен по отношению к капитализму и не дал американской антикоммунистической пропаганде, в которой он в последние годы жизни посильно участвовал по идейным и материальным соображениям, достаточной партийности, то есть тех публицистических знаков, к которым борющейся против сталинского СССР идейный Запад уже приучили русские социалисты в эмиграции, составившие интеллектуальное ядро тех властных структур, например, в США, что изучали и описывали СССР, чтобы идейно мобилизовать и централизовать его активных противников по всему миру.

С окончанием войны вновь ожил с критикой тоталитаризма и Иван Ильин. Под псевдонимом и в роли «мы, западные европейцы»[80] в швейцарской газете «Anzeiger aus dem Bezirk Affoltern» он уточнял набор признаков «тоталитарного государства»: система террора, хозяйственная монополия государства,

---

[79] *Б.П. Вышеславцев*. Кризис индустриальной культуры. С. 560, 562–564.

[80] *И.А. Ильин*. Правда о коммунизме [1947] // И.А. Ильин. Собрание сочинений: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 годов / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 2006. С. 177.

«монополия диктаторской партии» на эксплуатацию («Государство есть крупный капиталистический монополист, партия же – класс эксплуататоров») «коммунистическое государство – классически совершенный пример *тоталитарного* государства»[81]. Невольно воспроизводя марксистские споры 1920–1930-х о капиталистическом характере СССР, Ильин наткнулся на уязвимое звено в идее «партийной монополии» как центре «тоталитаризма»: если партия – это правящий класс, то она, следовательно, эксплуататор, если она эксплуататор в капиталистической системе, то тоталитаризм в СССР основан на капитализме и поэтому капиталистические западные демократии единоприродны СССР. Ещё более уязвимым оказалось послевоенное отделение «левого тоталитаризма» СССР от «правых» в Германии и Италии, которое после войны начал воспроизводить Ильин, отдавая дань своим предвоенным симпатиям: приветствуя фашизм за антикоммунизм, он даже готов был признать его *нетоталитарность* («фашизм мог и не создавать

---

[81] *И.А. Ильин*. Государственный капитализм и демократия [1945] // И.А. Ильин. Собрание сочинений: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 2004. С. 176; *И.А. Ильин*. Почему мы отвергаем тоталитарное государство [1945] // Там же. С. 330; *И.А. Ильин*. Загадка тоталитарного государства [1946] // И.А. Ильин. Собрание сочинений: Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 годов / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 2006. С. 134–135; *И.А. Ильин*. Правда о коммунизме [1947] // Там же. С. 177.

тоталитарного строя: он мог удовлетвориться авторитарной диктатурой, достаточно крепкой для того, чтобы... искоренить большевизм и коммунизм...»).[82] Постулируя, что «тоталитарное государство есть всеобъемлющее государство... политический строй, ... включивший всю деятельность [граждан] в объём своего управления и принудительного регулирования», основанное на «единой исключительной партии», «монополии работодательства», сыске и терроре, Ильин неожиданно повторяет радикальные суждения Мизеса и Хайека, видимо руководствуясь пафосом либертарианской мировой диктатуры[83] и утверждая, что именно революционная демократия готовила весь XIX век «*предельное расширение государственно-административного объёма*» и потому в середине XX века «социал-демократы всех стран являются по их основному замыслу и плану третьей по счёту *тоталитарной партией мира* (после коммунистов и наци-фашистов)». И далее:

> «...демократическое государство может выдвинуть и тоталитарно-настроенное большинство (напр.,

---

[82] *И.А. Ильин*. О фашизме [1949] // И.А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 2. Кн.1 / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 1993. С. 86–87.

[83] Их исторический адвокат признаётся, что этот их пафос – пафос «третьей силы» между рынком и государством – «гигантской корпорации, определяющей общественную жизнь» (*Колин Крауч*. Странная не-смерть неолиберализма [2011] / Пер. с английского Д. Кралечкина. М., 2012. С. 13).

в Англии, в Швеции), которое и начнёт вводить тоталитарно-социалистический режим по всем правилам... (...) Итак, демократический строй нисколько не обеспечивает народы от тоталитарного режима. Постепенное введение социализма будет означать переход к диктатуре социалистического большинства... Тоталитарную природу социализма начали ныне понимать и среди самих социалистов».[84]

И вновь, даже при признании столь важной для марксистов «партийной монополии», радикальное отрицание социализма заставляло теоретика «тоталитаризма» отрицать социал-либеральный капитализм и утверждать олигархическую диктатуру. Ясно, что такой «тоталитаризм» правой русской эмиграции западной «холодной войне» против СССР был неудобен.

Но столь же неудобен был для этой цели и взгляд на СССР классической внепартийной левой русской эмиграции. Легко предположить, почему, например, Бердяев не был признан ни тогда, ни позже одним из создателей доктрины «тоталитаризма», несмотря на то, что его труды о русском коммунизме стали (особенно для западной советологии) очевидной классической навигацией по идейной тематике СССР: после войны, когда русском языке появились упомя-

---

[84] *И.А. Ильин.* О тоталитарном режиме [1949] // И.А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 2. Кн.1 / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 1993. С. 111–112; *И.А. Ильин.* От демократии к тоталитаризму [1949] // Там же. С. 116–117.

нутые «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея», они не только не прозвучали в унисон усилиям по предметному формулированию «азбуки тоталитаризма», но и оказались неудобными для пропагандистского использования в силу известных советских симпатий Бердяева того времени. Именно тогда Бердяев писал нечто несовместимое, антикапиталистическое, скандально указывая противостоящим сталинскому коммунизму на совершённую западной антикоммунистической демократией Хиросиму, антикоммунизм прямо называя «фашизмом»:

> «Ещё, может быть, не настало время исследовать причины мировой войны, закончившейся потрясающим открытием атомной бомбы... Война кончилась, но нет настоящей радости, нет даже по-настоящему чувства, что она кончилась. (...)
>
> Человеческое общество и цивилизация всё ещё покоятся на старых началах. И если советская Россия основывает себя на новых началах, то это можно сказать исключительно о её социальном строе, а не о её духовном строе. (...) Мир не знает никакого духовного единства и склонен отрицать общечеловеческую мораль. К единству хотят прийти через усиление раздора. Капиталистическая система, которая всё ещё господствует в мире, есть раздор и война людей и народов... (...)
>
> Нужно быть слепым, чтобы не видеть, что миру предстоит радикальное социальное переустройство. Это может происходить разными путями. Должно

желать, чтобы социальная революция в мире происходила наименее насильническим и кровавым путём. Это будет зависеть от степени сопротивления сил, господствовавших доныне в мире. Но ещё более будет зависеть от той роли, которую будут играть положительные духовные силы мира...

Нужен не страх коммунизма и не антикоммунистический фронт, который неотвратимо превращается во фронт фашистский, а христианизация и спиритуализация коммунизма, при признании в нем положительной социальной правды... И нужно потерять совесть, чтобы считать более соответствующим христианству капитализм. Мир идёт к социализму в той или иной форме».[85]

---

[85] *Николай Бердяев*. Социальный переворот и духовное пробуждение // Русский Сборник. Кн. I. Париж, 1946. С. 187–190.

Русская партийная программа для доктрины «тоталитаризма»

Политическая мысль и политика США, несомненно, искали, выбирали русского соавтора австрийской теории тоталитаризма политических и еврейских беженцев из Европы (Арендт, Хайек, фон Мизес, Адорно, Хоркхаймер, Фридрих, Мангейм, Шумпетер) и склоняются к «Социалистическому Вестнику»: именно их социал-демократические претензии фокусируют внимание на однопартийной партийной диктатуре, закрывая глаза на собственные разоблачения перерождения партии в механизм административной вертикали. Этот синтез и производят упомянутый выше Фридрих и его ученик Бжезинский в середине 1950-х годов, оставляя за его бортом сильную русскую традицию концептуализации тоталитаризма, представленную не только именами Бердяева, Тимашева, Ивана Ильина, более всего — Вышеславцева, но и трудами уже ставшего американцем русского Питирима Сорокина.

Главными авторами идеи о партийной монополии большевиков как фундаментальной характеристики режима в СССР, в 1956 году названного «тоталитарной диктатурой» были русские меньшевики, социалисты-революционеры, конституционные демократы и большевики троцкистской ориентации, претендовавшие на власть в конце 1910-х гг. и на участие во власти в 1920-х, но лишённые такой перспективы большевиками. Именно, прежде всего, русские меньшевики из Заграничной делегации РСДРП (м) и его органа – журнала «Социалистический Вестник» – стали главными экспертами по текущей политике и экономике СССР, используя свои особые источники в стране[86]. Затем им конкуренцию составил троцкистский «Бюллетень оппозиции», но уже в 1944 году и далее, когда формировался разведывательно-аналитический предшественник ЦРУ США, перед которым была поставлена задача описания актуальной и будущей послевоенной действительности СССР практики, а затем и пропагандистского

---

[86] О влиянии «Социалистического Вестника» в СССР см. специально: *Н.В. Валентинов*. Доктрина правого коммунизма // Н.В. Валентинов. Наследники Ленина [1958–1959] / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991. См. также современные переводы на русский язык классических американских исследований, принадлежащих перу авторов меньшевистского круга: *А. Эрлих*. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010; *Н. Ясный*. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

сопровождения акций «холодной войны», изначальная монополия в американской советологии и, значит, в её западных образцах перешла в руки экспертов из круга меньшевиков и их последователей, изредка разбавляемых троцкистами.

Но они, интенсивно используя в 1920–1930-е годы понятие **тотальный, тоталитарный**, наряду с европейскими политиками и (прежде всего, левыми) критиками большевиков из среды русской эмиграции, где, несомненно, интеллектуально лидировали Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, Б.П. Вышеславцев, а интенсивно присутствовал правый поклонник фашизма и нацизма И.А. Ильин[87], применяли его к описанию общественной реальности не как некое терминологическое изобретение, а лишь в рамках давней и плодотворной философской традиции, толкующей понятие **total** (цельный, всеобщий, целостный и под.), хорошо понятное в рамках христианского, просвещенческого, модерного контекстов, в том числе – в рамках специальной русской традиции исследования «вселенского» и т.д., не говоря уже

---

[87] Примечательно, что правые враги большевизма в русской эмиграции мало интересовались проблемами партийной диктатуры, фокусируясь на колониальной по сути практике концлагерей: *Пётр Базанов*. Братья Солоневичи: документы и легенды (На основе коллекции В.В. Иофе, НИЦ «Мемориал») // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / Отв. ред. Т.Б. Притыкина. СПб., 2013. С. 150.

о наследии вагнеровского «всеобщего искусства» (Gesamtkunstwerk).

Примечательно, что именно США предоставили активно действующее убежище и выше названным либертарианцам, и кругу «Социалистического Вестника» (1922–1965), в 1940-е гг. ставшего существенным интеллектуальным кадровым резервом для формирования экспертного состава Управления стратегических служб (УСС) США, выросшего в ЦРУ[88], и западной советологии. Именно эти два направления мысли в годы «холодной войны» были центром критики и прикладного и пропагандистского анализов сталинского СССР[89]. Послевоенная западная кампания

---

[88] УСС в целом «взяло на учёт и привлёкло к сотрудничеству основную массу лучших специалистов по России и СССР, разбросанных по разным университетам» (*А.А. Некрасов*. У истоков советологии: история создания журнала «Russian Review» (США) // Век нынешний, век минувший... Исторический альманах. Ярославль, 1999. С. 117).

[89] О центральном положении Заграничной делегации РСДРП (м) и круга авторов меньшевистского эмигрантского журнала «Социалистический вестник» (1922–1965) в деле анализа советской действительности, в том числе лагерной экономики и центрального влияния их анализа на западную советологию: *А. Ненароков*. Социал-демократическая эмигрантская печать 1920–1960-х гг. // Периодическая печать российской эмиграции. 1927–2000 / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М., 2009. С. 7–8. О роли УСС в анализе послевоенных перспектив

критики принудительного труда в СССР[90], начатая в американской книге меньшевиков Д.Ю. Далина

СССР см.: *А. Бюкар*. Правда об американских дипломатах / Пер. с англ. М., 1949 (Глава V. Сокращённое переиздание: *А. Бюкар*. Правда об американской дипломатии // Анабелла Бюкар, Ральф Паркер. Подлость союзников: Как Запад предавал Сталина. М., 2011). См. также современное исследование: *В. Печатнов*. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.

[90] Эта кампания восходила к опыту подобной же пропагандистской кампании на Западе (протестам западных профсоюзов) против импорта леса из СССР (как одного из основных, наряду с зерном, пушниной и нефтью, источников экспорта и поступления валюты для дальнейшего импорта технологий) в 1931–1932-х гг. под предлогом использования на лесоповалах принудительного труда (свод: *Hermann Greife*. Zwangsarbeit in der Sowjetunion. Berlin, 1936). Попытки властей СССР опровергнуть очевидные факты массового труда заключённых на лесозаготовках провалились. См. образец коминтерновской контрпропаганды: *О. Пятницкий*. Принудительный труд, фашизм и организация безработных на основе единого фронта: 4 августа 1935 г. / VII Всемирный Конгресс коммунистического интернационала. М., 1935. Красноречиво, что СССР, полагая это действующим ограничением, присоединился к конвенции Международной организации труда об упразднении принудительного труда от 28 июня 1930 лишь после упразднения ГУЛАГа: Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 13. Ст. 279.

(1889–1961) и Б.И. Николаевского (1887–1966), продолженная в серии громких медийных событий[91] точно

---

[91] *D. Dalin, B. Nicolaevsky*. Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947. См. также примеры непосредственно пропагандистской литературы: *Victor Kravchenko*. I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. N.Y., 1946; *Roger N. Baldwin*. A New Slavery: Forced Labor: The Communist Betrayal of Human Rights. [New York,1953]; *Б. Яковлев [Н.А. Троицкий]*. Концентрационные лагери СССР. Мюнхен, 1955. Об этом: *Г.Н. Иванов*. Международные организации против принудительного труда в СССР (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Отечественная история. М., 2006. № 6. Ср. историю французского экс-троцкиста Д. Руссе, который в конце 1949 года призвал бывших заключённых нацистских лагерей бороться против аналогичной системы в СССР, в 1950-м по его инициативе была создана Международная комиссия против режима концентрационных лагерей, которая собирала информацию об СССР, Китае и странах «правых диктатур» (Испания, Греция), преступлениях Франции в колониях (*Thomas Wieder*. L`affaire David Rousse et la figure du déporté. Les escapes des champs Nazis contre les camps soviétiques (1949–1959) // Qu`est-ce qu`un déporté? Histoire et memoires des deportations de la Seconde Guerre mondiale / Sous la directions de Tal Bruttmann, Luarent Joly et Annette Wieviorka. Paris, 2009). Об усилиях ЦРУ США по секретному финансированию с 1950 г. левой западной интеллигенции (в том числе Х. Арендт, Дж. Оруэлла, Ж.П. Сартра, А. Кёстлера, Б. Рассела), объединённой во всемирной сети Association for Cultural Freedom ради критики СССР см. специальные исследования: *P. Coleman*.

воспроизводила принципиальную формулу, произнесённую ещё в годы Гражданской войны меньшевиком Р.А. Абрамовичем (1880–1963)[92].

Известная формула Ленина (в книге «Детская болезнь "левизны" в коммунизме», 1920) об идеальном положении коммунистической партии в государстве диктатуры пролетариата по схеме *вожди – партия – класс – массы*, несомненно, сама просилась в основу «партийной» доктрины тоталитаризма, ибо ставила стержнем такой диктатуры именно партию. Разумеется, эта идеальная формула совершенно игнорировала реальность Советской власти, как минимум, ленинско-сталинского периода, наполненного острой и взаимоистребительной борьбой в среде самих вождей, партийно-правительственных, ведомственных

The liberal conspiracy. The congress for cultural freedom and the struggle for the mind of postwar Europe. N.Y., 1989; *F.S. Saunders*. Who Paid the Piper? CIA and the Cultural Cold War. L., 1999 (Русский перевод: *Фрэнсис Стонор Сондерс*. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / Пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова. М., 2013. Специально об актах коррумпирования, например, Х. Арендт: С. 290, 342).

[92] «Принудительный труд всегда является трудом малопроизводительным»: Резолюция меньшевиков на Всероссийском съезде профессиональных союзов (март 1920). См. об этом: «точное выражение резолюции меньшевиков» (*Л.Д. Троцкий*. Терроризм и коммунизм (1920) // Л. Троцкий. Перманентная революция. М., 2005. С. 140).

и территориальных кланов, а затем — истреблением призрачной самостоятельности партии в вертикали личной диктатуры и олигархии. Но изгнанные из России/СССР эсеры, меньшевики и троцкисты вовсе не были склонны соглашаться именно с такой схемой партийной диктатуры, ибо, как минимум, претендовали на коалиционное соучастие в социалистической диктатуре, «многопартийной» диктатуре пролетариата, фракционной коалиции во главе партии-государства. У предсмертного одра Ленина в 1923—1924 гг. развернулась борьба лишённого эффективного контроля над партийным аппаратом Троцкого против официального главы партийного аппарата Сталина. Именно тогда Троцкий ввёл в оборот слово «аппаратчики» — квази-классовое определение для самодостаточной бюрократии, ставшей во главе переродившейся диктатуры пролетариата. Это марксоидное определение дожило до гибели СССР как полноценный термин западной советологии и отразилось во многих иных попытках описать коммунизм в СССР как власть партийной бюрократии, начиная с «нового класса» М. Джиласа (1957) «номенклатуры» М.С. Восленского (1970). Неоспоримое место Троцкого как главного (в исторической мифологии) противника Сталина предопределило слабое внимание к его собственной мысли и оставило большой простор не только для его многочисленных эпигонов, но и для изображения троцкистских теорий как альтернативных и критических по отношению к сталинизму. Но вклад троцкизма и его эпигонов в партийное толкование

«тоталитаризма» не был альтернативным сталинизму и вносил в его формально внешнее исследование неизмеримое бремя внутрипартийной дискуссии. Именно поэтому описатели «тоталитаризма» находят в этой гипертрофированной партийной истории РКП (б) – ВКП (б) неисчерпаемый источник для деталей и вдохновения.

При этом, что показательно, ни Троцкий в его борьбе против аппарата, ни Сталин в его апологии аппарата, не стали апеллировать к ставшей к тому времени азбучной формуле Ленина о механизме *вожди – партия – класс – масса*. Троцкому такая апелляция была бы действительно невыгодна (как предполагаемому вождю класса и масс вообще). Но воздержание Сталина, который легко бы мог демагогически использовать названную формулу, объясняется, видимо, ясным пониманием того, что *вне аппарата партия просто не существует*, что мистификация партии как самостоятельного субъекта и института власти оставляет такой простор для столь же демагогического присвоения голоса партии любым её вождём, что им легко и с полным основанием мог бы воспользоваться Троцкий.

В той дискуссии с Троцким Сталин, зримо сдерживаясь и отнюдь не чувствуя себя хозяином «аппаратного» положения, напротив, детально аргументировал назначение и пользу профессионального партийного аппарата и партии в целом как инструмента мобилизации государственного управления. Эта по сути безобидная апология управленческих

функций государственного аппарата давала вполне достаточный материал для «демократической» антисоветской риторики и конструирования образа особого «партийного» тоталитаризма. Сталин говорил в защиту своего аппарата, риторически отвергая его государственный смысл:

> «...если на нас нападут и нам придётся защищать страну с оружием в руках, то о демократии не может быть и речи, ибо придётся её свернуть. Партия мобилизуется, мы её, должно быть, милитаризуем, и вопрос о внутрипартийной демократии отпадёт сам собой. (...) что в головах одной части наших работников живут ещё пережитки старого военного периода, когда у нас партия была милитаризована, – пережитки, которые порождают некоторые немарксистские взгляды, что партия наша является якобы не самодеятельным организмом, живущим самостоятельной идейной и практической жизнью, а чем-то вроде системы учреждений, низших, средних и высших. Этот абсолютно немарксистский взгляд, правда, законченного вида нигде ещё не получил... (...) Вы можете себе представить имеющий не менее миллиона служащих бюрократический государственный аппарат, состоящий из элементов, большей частью чуждых партии, и наш партийный аппарат, имеющий не больше 20–30 тысяч человек, призванных подчинить партии государственный аппарат, призванных социализировать его. Чего стоит наш государственный аппарат без поддержки

партии? Без помощи, без поддержки нашего партийного аппарата он мало чего, к сожалению, стоит. И вот каждый раз, когда наш партийный аппарат вдвигает свои щупальцы во все отрасли государственного управления, ему приходится нередко свою партийную работу в этих органах равнять по линии государственных аппаратов».[93]

Как бы ни напоминал о преобладающе некоммунистическом характере государственного аппарата и ни отвергал обвинения в огосударствлении партии Сталин и, может быть, именно потому, что он вынужден был отвергать это, убеждение в том, что именно партия (а не её руководство) является инструментальным центром режима, доминировало в антисталинской критике социал-демократов.

Более всего принялись освещать «партийную диктатуру» упомянутые выше русско-французские и другие интернациональные коммунисты, много лет прослужившие на ответственных политических постах в СССР, ВКП (б) и Коммунистическом Интернационале, а на рубеже 1920–1930-х гг. разочаровавшиеся, эмигрировавшие или репрессированные и затем эмигрировавшие из СССР.[94] Они оставались социалистами и коммунистами, революционерами и противниками капитализма и потому, прежде всего,

---

[93] *И.В. Сталин*. Доклад об очередных задачах партийного строительства, 17 января [1924] // И.В. Сталин. Сочинения. Т. 6: 1924. М., 1952. С. 8–10.

[94]

искали в сталинизме признаки измены революционному делу и капиталистического перерождения. И потому их протест представлялся более интеллектуально чистым. «Правду о коммунизме не станут слушать от защитников капитализма», — писал о природе их протеста социалист-наблюдатель. Но именно эта критика далеко не всегда была терпима политическими и государственными противниками правящего коммунизма, и потому они неизбежно искали себе интеллектуальных партнёров среди не то чтобы окончательных ренегатов революционного дела, а среди тех, кто готов был перестраивать свой революционный социализм на рельсы государственного социализма, парламентской демократии и «демократического социализма». Таковыми в русской эмиграции чаще всего оказывались социалисты-революционеры и меньшевики, в чьём политическом прошлом был короткий, но реальный опыт государственного управления в России 1917—1918 годов.

Весьма примечательно, что, несмотря на их эволюцию в сторону от сотрудничества с большевиками, известный критик и разоблачитель сталинизма и коммунизма из числа бывших коммунистов Борис Суварин, ещё более известный критик и непосредственный создатель американской советологии, подлинный соавтор доктрины «тоталитаризма» до её изобретения Фридрихом и Бжезинским, Борис Николаевский тесно и на материальной основе всё ещё сотрудничали с Институтом Маркса и Энгельса

при ЦИК СССР[95] тогда, когда в СССР уже стала невозможна никакая иная партийная деятельность, кроме большевистской, а сами большевистские и советские кадры были подвергнуты многочисленным политическим репрессиям на пути создания сталинской диктатуры.

Подлинной лабораторией для выработки доктрины «тоталитаризма» стал официальный орган меньшевистской Заграничной Делегации РСДРП журнал «Социалистический Вестник», более сорока (!) лет концентрировавший на своих страницах тексты наиболее информированной и интеллектуальной часть исследователей и критиков большевизма и СССР, но в годы Великой Отечественной войны без колебаний занявший ясную патриотическую позицию в защиту своей Родины от нацизма[96]. После Второй мировой

---

[95] *И.Ю. Новиченко.* Д.Б. Рязанов и его «корреспонденты»: к истории комплектования Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931 гг.) // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства. Материалы научной конференции «Вторые Рязановские чтения» (18–19 марта 2015 г.) / Сост. Е.Н. Струкова. М., 2016. С. 20. Б. Николаевский был не рядовым внешним сотрудником Института, но в 1924–1931 гг. был даже его официальным представителем в Берлине.

[96] После 22 июня 1941 года эта политическая группа однозначно призвала встать «на почву защиты нашей страны от гитлеровского нападения, подчиняя борьбу за ликвидацию сталинской деспотии верховным интересам

войны журнал стал органом единой социалистической платформы в русской эмиграции, консолидировав её вокруг программы «демократического социализма». Всё это поставило «Социалистический Вестник» в положение исключительного по качеству источника по текущей истории СССР и наиболее авторитетного издания, публиковавшего оперативные аналитические статьи по принципиальным вопросам советского коммунизма[97]. Им и была присуща непреодолимая слепота в вопросе о «партийной диктатуре» там, где налицо была олигархическая, а затем — абсолютная диктатура.

Раймон Арон

В конце 1930-х годов в социалистической среде вновь оживилась дискуссия о характере политического и экономического режима в СССР, особенно простимулированная подписанием в августе 1939 года

войны против мирового фашизма» (РСДРП о советско-германской войне [Резолюция Заграничной Делегации РСДРП от 23 июня 1941] // Социалистический Вестник. № 12 (477). New York. 30 июня 1941. С. 1).

[97] Лишь в 1920—1930-е гг. частичную конкуренцию «Социалистическому Вестнику» в области социалистической теории в русской эмиграции составлял журнал «Современные Записки», созданный социалистами-революционерами.

договора о ненападении между нацистской Германией и сталинским СССР. Это явным образом нарушило центральный сценарий западных демократий, Англии и Франции, ценой многолетних уступок и прямого сотрудничества с Гитлером стремившихся направить его экспансию против СССР. Тяжёлое поражение СССР в Гражданской войне в Испании, казалось, увеличивало шансы такого сценария, в котором Германии отводилась роль главного антикоммунистического борца в защиту ценностей несоветской Европы. Очевидно временный, но неожиданный нейтралитет между Германией и СССР, война Германии против Польши, участие СССР в её разделе, ничтожность гарантий безопасности, которые Польше дали Англия и Франция, — всё это вместе взятое заставило западную мысль срочно искать теоретических обоснований для единой пропагандистской войны против Гитлера и Сталина вместе взятых. Надо было, наконец, выработать консенсус о том, как следует называть эти отнюдь не редкие в Европе того времени диктатуры, как обозначать общую природу их режимов (а она должна была быть «более общей», нежели у Германии, Италии, Англии и Франции в сентябре 1938 года на мюнхенских переговорах о разделе Чехословакии!), помня, что СССР уже полностью закончил социализацию своей промышленности и сельского хозяйства.

О том, что такой консенсус остро необходим, ярко демонстрировал специальный текст Раймона Арона 1939 года, описывавший статус-кво перед соглашением Гитлера и Сталина, к которому западные демо-

кратии, уже прошедшие школу Мюнхенского сговора, интеллектуально подготовиться не успели. Ведь из тезисов Р. Арона следовало, что новейшие терминологические изобретения о тоталитарных режимах фактически остались достоянием русской эмиграции и не затронули даже французскую мысль и в ней нет ни достаточного понимания сути режимов Гитлера и Муссолини, ни достаточно от них отторжения. Что они вовсе не затронули режим Сталина, отличая тоталитаризм от коммунизма. Тезисы гласили:

> «*Образование новых правящих элит является важнейшим (!! — М.К.) признаком тоталитарных режимов (германского и итальянского).* (...) *Тоталитарные режимы противопоставляют себя прежде всего демократиям, а не коммунизму*».[98]

Потому интеллектуальная инициатива в исследовании тотальности новых диктатур, пока интеллигентная эмиграция из Германии и Италии ещё не успела занять достаточную дистанцию по отношению к событиям в своих странах, естественным образом находилась в руках русской эмиграции, которая усиленно готовила именно режим Сталина для помещения в центр интернациональной дискуссии.

---

[98] *Раймон Арон*. Демократические и тоталитарные государства [1939] // Раймон Арон. История XX века. Антология / Пер. Л.Г. Ларионовой. М., 2007. С. 155.

В ситуации, когда полнота ответственности за «тоталитаризм» всё более падала на полноту модерного капитализма и социализма, «Социалистический Вестник» вернулся к вяло длившейся все 1920–1930-е годы дискуссии о характере советской экономики и диктатуры. Именно он открыл подлинный Клондайк для теоретизирований о коммунизме, имевших своей лёгкой целью доказать, что в СССР нет ничего от «настоящего», программного и ценностного социализма. Гораздо труднее было концептуально описать и назвать то, что представляет из себя СССР на самом деле.

В конце апреля 1940 года «Социалистический Вестник», продолжая дискуссию,[99] опубликовал статью крупнейшего марксистского экономиста и практика, министра финансов Германии в 1920-е гг. Рудольфа Гильфердинга (1877–1941), которую он, еврей, уже бежавший во Францию от нацизма, написал специально для журнала. Р. Гильфердинг резко опровергал распространившийся миф о субъектности партии в системе коммунистической диктатуры и искал близость хозяйственных систем «тоталитарных го-

---

[99] См., например, публикацию, непосредственно предшествовавшую публикации Р. Гильфердинга: *Р.Л. Уоррол.* СССР – государство социалистическое или капиталистическое? // Социалистический Вестник. № 7 (459). Paris. 11 апреля 1940. С. 93. Подробное изложение статьи из английского журнала «Left» за ноябрь-декабрь 1939. Автор – Worall – слова «тоталитаризм» избегает.

сударств», находя их, однако, в простом государственном управлении экономикой — и тем самым вольно или невольно повторяя уже прозвучавшую радикальную либертарианскую проповедь Л. фон Мизеса и предвосхищая выступление Ф. Хайка, для которых прямым и близким путём к тоталитарному рабству было любое государственное вмешательство в экономику, неожиданно сближаясь с ними в отвержении уже общей для капитализма антикризисной практики милитаризации, планирования и социальной политики, радикализируя и маргинализируя альтернативы коммунизму. Он писал об СССР в его сравнении с Германией и Италией:

> «Русской бюрократии приказывает Сталин; Ленин и Троцкий с группой отборных сторонников, которая никогда не была способной к самостоятельным решениям партией, а всегда была лишь инструментом в руках вождей, как позднее фашистская и национал-социалистическая "партии", овладели государственной властью в момент развала старого государственного аппарата. Они преобразовали её соответственно потребностям своего господства, устранили демократию и установили собственную диктатуру. (...) Политику определяет небольшой круг носителей власти. (...) Они создали таким образом первое *тоталитарное государство*, прежде чем это название было изобретено. (...)
>
> К существу тоталитарного государства принадлежит и то, что оно подчиняет хозяйство своим целям.

Хозяйство теряет свои собственные законы, оно становится *управляемым*... оно превращает рыночное хозяйство в потребительское. (...) Тоталитарная государственная власть живёт хозяйством, но она существует не для хозяйства, не для господствующего в хозяйстве класса... Аналогию к тоталитарному государству скорее всего можно найти в эпохе поздней римской империи, в господстве преторианцев и их императоров. (...)

Несмотря на большое различие в исходных пунктах, хозяйственные системы тоталитарных государств приближаются друг к другу... [хозяйственная система СССР] представляет собою тоталитарное государственное хозяйство, т.е. систему, к которой всё больше приближаются и экономики Германии и Италии».[100]

Вскоре Франция сдалась Гитлеру и меньшевикам пришлось переносить издание своего журнала в США,

---

[100] *Р. Гильфердинг*. Государственный капитализм или тоталитарное государство? // Социалистический Вестник. № 8 (460). Paris. 25 апреля 1940. С. 119–120. Вскоре после публикации этой статьи Франция капитулировала перед гитлеровской Германией, новые французские власти задержали и выдали Гильфердинга нацистам и через он погиб в германской тюрьме. Таким образом, создатели и авторы «Социалистического Вестника» обоснованно называли статью Гильфердинга его своеобразным теоретическим завещанием.

где именно Б.И. Николаевский приложил особые и, несмотря на одновременный политический ангажемент, совершенно искренние усилия для возобновления профессиональной дискуссии о тоталитаризме. Напоминая статью Гильфердинга, Николаевский вычленил в ней два главных вопроса, вытекающих из неё и стоящих перед теоретиками: 1. характер экономической системы «в СССР и других тоталитарных странах», 2. «кто именно является носителем власти в этих странах», «существуют ли классы в тоталитарных странах».[101] Прямо говоря, Гильфердинг уже решил для себя и решил в отрицательном смысле вопрос о носителе власти в СССР, назвав им диктаторов и «группу их отборных сторонников». Но Николаевский явно стремился дополнить намеченную Гильфердингом теорию тем пунктом, который тот радикально отверг, но который для меньшевиков был предметом главного политического обвинения большевикам, — центральным положением партии в системе тоталитаризма[102].

---

[101] *Б. Николаевский*. О классовой структуре тоталитарных государств [Статья первая] // Социалистический Вестник. № 6 (470). New York. 26 марта 1941. С. 77.

[102] Этот пункт риторически, без исследования разделяли и распространяли и правые круги русской эмиграции. См. суждение И.А. Ильина в статье, специально написанной им для немецкой печати: «Коммунизм задуман как *диктатура* и осуществляется как *централизованная партийная власть*» (*И.А. Ильин*. Сталин в наступлении [1930] // И.А. Ильин. Собрание сочинений: Мир перед про-

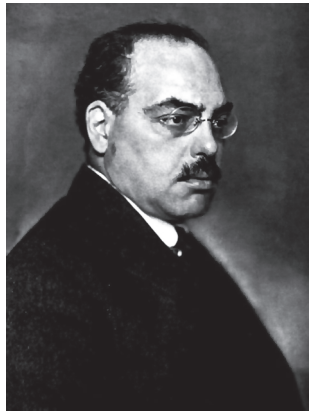
Он начал публикацию своего обширного трактата о тоталитаризме, сосредоточив своё внимание на той его характеристике, анализ которой должен был логически привести к вычленению и именованию господствующего класса, институциональной оболочкой для которого предполагалась монопольно правящая партия[103]. Собственный ответ Николаевского на вопрос о субъекте власти в «социальной структуре тоталитарного общества» в СССР удивляет неожиданной для такого специалиста по советским делам сектантской наивностью. Этот, вероятно, главный эксперт меньшевиков по фактической истории коммунистической партии и СССР не может не видеть (и в этом следует Гильфердингу), что стержнем социальной структуры в СССР выступает «хозяйствен-

---

пастью. Часть III. Аналитические записки и публицистика (1928–1941) / Сост. Ю.Т. Лисицы. М., 2001. С. 207–208).

[103] В частной переписке Николаевского того времени содержится признание его глубокой личной погружённости в вопрос о партийном характере «тоталитаризма». Он сообщает о новом курсе «Социалистического Вестника» своему старому конфиденту из Нью-Йорка уже 14 мая 1945 г., когда условия военного союзничества США и СССР только приблизились к началу их прекращения: «Я сознательно старался по этому вопросу особенно осторожно, но по существу дело совершенно ясно: в России идёт быстрым темпом процесс оформления советского строя, как наиболее последовательной из всех, какие когда-либо знала история, форм тоталитаризма.

ная организация» с центром в государственном аппарате, но далее, *в дни мобилизации в ожидании тотальной войны, после эпохи Большого террора, уничтожившего последние декоративные остатки самостоятельности ВКП (б)*, Николаевский словно отступает перед противостоящими этой реальности *меньшевистскими инспирациями узкого партийного управления диктатурой (в котором меньшевикам не нашлось места)* и сообщает:



Рудольф Гильфердинг

> «...над всеми ними (хозяйственными органами — *М.К.*) стоит вездесущая и всемогущая единая партия тоталитарного государства... именно она является носителем власти в стране».[104]

Государство, целиком захваченное в руки одной партии, которая в свою очередь организована в деспотическую иерархию, регулирует все без исключения стороны духовной жизни страны» (Из архива Б.И. Николаевского. Переписка с И.Г. Церетели 1923—1958 гг. Вып. 2: Письма 1931—1958 гг. / Отв. ред. А.П. Ненароков. М., 2012. С. 210).

[104] *Б. Николаевский*. О классовой структуре тоталитарных государств [Статья вторая] // Социалистический Вестник. № 7 (471). New York. 12 апреля 1941. С. 93, 95, 96.

Борис Николаевский

Так и звучит в трактате Николаевского содержательное (хотя и радикальное в своей категоричности) применение индустриальной тотальности к сфере хозяйственных отношений и агитационное увенчание её мифической партией. В СССР, говорит он:

> «Всё государство в его целом... форма производственного процесса... присущая завершённому типу тоталитарного государственного хозяйства».

Но далее — вновь утверждает, что «организатор» всей этой целостности — «коммунистическая партия».[105] И здесь Николаевский, опираясь на Гильфердинга, делает принципиальный шаг и собственноручно фиксирует поворотный пункт в конструировании

---

[105] *Б. Николаевский.* О классовой структуре тоталитарных государств [Статья четвёртая] // Социалистический Вестник. № 9–10 (473–474). New York. 22 мая 1941. С. 127. Институт политических комиссаров в Красной Армии виделся авторам журнала частью «системы тоталитарной партийной диктатуры» (*С. Шварц.* Первая уступка // Социалистический Вестник. № 19–20 (507–508). New York. 3 ноября 1942. С. 235).

доктрины «тоталитаризма», которая одновременно и освобождается от слишком близкого всем иным великим державам понятия «государственного капитализма»[106] и совершенно неточного в применении к СССР «фашизма», и отделяет СССР от идеального социализма, и – главное – отделяет Германию и Италию от капитализма (и, следовательно, их недавних партнёров в деле переустройства Европы), *отсекает СССР, Германию и Италию от прежнего «цивилизованного» мира и его истории*:

> «принципиальное отличие новой хозяйственной системы и новых общественных отношений, складывающихся в тоталитарных государствах, от всего того, что мы знали в прошлом, настолько значительны, что "новые термины надо создавать и для самой этой хозяйственной системы, и для всех новых классовых и общественных отношений"».[107]

---

[106] На это позже обращал внимание редактор журнала, отмечая положительный смысл отказа Гильфердинга от использования в применении к экономике СССР понятия «государственный капитализм» и замены его понятием «**тоталитарное государственное хозяйство**», то есть хозяйство «не только руководимое, но и определяемое и формируемое государственной властью» (*Р. Абрамович*. О «русском социализме» (К 25-летию Октябрьской революции) // Социалистический Вестник. № 19–20 (507–508). New York. 3 ноября 1942. С. 240).

[107] *Б. Николаевский*. О классовой структуре тоталитарных государств [Статья третья] // Социалистический Вестник. № 8 (472). New York. 26 апреля 1941. С. 112.

Уже через месяц после окончания публикации трактата Николаевского Германия напала на СССР и «Социалистический Вестник» приостановил свои усилия по интеллектуальному формированию единого враждебного фронта «тоталитарных государств», стал видеть их различия, сосредоточившись на детализации учения Гильфердинга на тотальности тоталитарного хозяйства (в противоположность этому – даже и особенно в условиях войны в СССР, как известно, доля неконтролируемого негосударственного продовольственного рынка кратно выросла и его часть в продовольственном потреблении достигла половины, но об этом меньшевики в США, конечно, не знали и знать вряд могли), логично, по условиям союзничества с США, дистанцируясь от политического уподобления диктатур в Германии и СССР.[108]

---

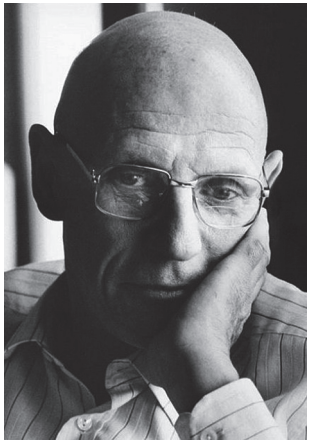
[108] «Р. Гильфердинг, компетентность которого в этих вопросах оспаривать трудно, в последние годы своей жизни считал, что по своему существу «хозяйственные системы тоталитарных стран приближаются одна к другой», что принципиального различия в экономике тоталитарных стран фашистского типа и тоталитарных стран большевистского типа не имеется – и предложил для этой экономики одно общее название «тоталитарное государственное хозяйство» (*Б. Николаевский*. О социализме и фашизме // Социалистический Вестник. № 15–16 (503–504). New York. 31 августа 1942. С. 192). Различение двух типов оказалось жизнеспособным – в моделях «правого тоталитаризма» (фашизм и нацизм) и «левого тоталитаризма» (коммунизм) (*Д. Анин*. Об истоках тоталитаризма // Социалистический

В условиях солидарной войны против Гитлера и его союзников, меньшевистские теоретики сосредоточивались на сущностных аспектах тотальности как таковой, анализируя в «тоталитаризме» то, что, собственно говоря, не было его спецификой, и значительно ревизовали настойчивое навязывание сталинской диктатуре «партийной» институционализации[109]. Например в нижеследующих соображениях одного из теоретиков, лишь формально развивающего цитированный трактат Николаевского 1941 года, совершенно ясно проступает то, что лишь *годы* спустя сформулировала в своём исследовании предпосылок тоталитаризма Х. Арендт[110] и что *десятилетия*

Вестник. № 2–3 (679–680). Нью-Йорк – Париж. Февраль – Марта 1955. С. 49).

[109] Руководитель журнала даже использовал популярную в Советской России и русской эмиграции 1920-х аналогию с перерождением Великой Французской революции в *термидоре* и восхождением Бонапарта, которую позже почти монополизировал Троцкий, но лишь для того, чтобы подчеркнуть тесную связь «тоталитаризма» с личной диктатурой и, может быть, новым империализмом. Он констатировал «бонапартистское, или по-нынешнему, тоталитарное перерождение революции» (*Р. Абрамович*. Бонапартизм и русская революция // Социалистический Вестник. № 13–14 (523–524). New York. 8 июля 1943. С. 147).

[110] Впрочем, ещё ранее интуиции Х. Арендт сформулировал большевистский идеолог Н.И. Бухарин, который в одном из самых одиозных манифестов социального насилия



Мишель Фуко

спустя ярко описал в своём исследовании биополитики Модерна М. Фуко:

«Тотальное государство атомизирует граждан и одновременно охватывает все стороны их жизнедеятельности как бы железными обручами. (...) В тоталитарном государстве отсутствуют посредующие звенья между личностью и государственной властью... Процессы общественного преобразования в тоталитарном государстве усугубляются сращением главенствующей партии с аппаратом правительства и взаимопрорастанием политики и экономики. (...)

писал: «Старое общество и в его государственной, и в его производственной формулировке раскалывается, распадается до самых низов, вплоть до самых последних глубин. Никогда ещё не было такой грандиозной ломки. Но без этого не могла бы быть революция пролетариата, который из распавшихся элементов, в новой связи, в новых сочетаниях, по новым принципам, строит фундамент будущего общества» (*Н.И. Бухарин.* Экономика переходного периода [1920] // Н.И. Бухарин. Избранные произведения / Сост. С.Л. Леонова, А.В. Лобовой. М., 1990. С. 81–82).

Границы возможного в тоталитарном государстве... почти совпадают с границей биологической возможности. (...)

Проводя технически целесообразные мероприятия, господствующая партия тоталитарного государства связывает их с тоталитарной идеологией».[111]

Окончание войны в Европе и скорое окончание Второй мировой войны победой над Японией окончательно обнажило противоборство бывших союзников по антигитлеровской коалиции за новый раздел Европы и Азии. В этих условиях антисоветская и антикоммунистическая пропаганда Запада получила новый политический импульс и, проведя невидимый смотр главных пунктов довоенной информационной войны против СССР, отнесла к ним развивавшуюся ещё с начала 1930-х гг. тему принудительного труда в СССР, (позже нашедшего свой символ в имени ГУЛАГа), тему Большого террора[112], уподобление гитлеровской Германии и сталинского СССР как «тоталитарных»

---

[111] *Б. Сапир*. Социал-демократия перед проблемой фашизма. 2. О строении тоталитарных государств // Социалистический Вестник. № 7–8 (515–516). New York. 7 апреля 1943. С. 85, 86, 88.

[112] Подробный перечень таких авторов и изданий на Западе как самопроизвольного потока правды о сталинизме см. в мемуарах опытного эмигрантского писателя и журналиста: *Роман Гуль*. Я унёс Россию: Апология эмиграции [1981]. Т. 1. М., 2001. С. 237.

государств.[113] Примечательно, что ближайшие сотрудники «Социалистического Вестника» стояли в самом первом ряду исследований и публикаций на тему принудительного труда в СССР[114] и др., несомненно, включённых единой политической волей в число важнейших мероприятий этой информационной кампании, настойчиво освещавшихся западными СМИ.

Всё это вместе взятое уже было готовым заданием (и планом отсечения ненужных сомнений в капитализме и демократии) для формулирования доктрины «тоталитаризма». Выше уже приводилась

---

[113] См. краткий, но ёмкий обзор этой темы и периода: *А.Ю. Саран*. Советский тоталитаризм 1930-х годов: проблемы внешнего восприятия // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 6 (II) / Отв. ред. А.В. Голубев. М., 2012.

[114] Книга «Forced Labor in Soviet Russia» Д.Ю. Далина и Б.И. Николаевского стала «исходным пунктом большой политической кампании, которая была проведена при помощи американских профессиональных союзов в социально-экономической секции Объединённых Наций [ООН]» (*Р. Абрамович*. Д.Ю. Далин [1889—1962. Некролог] Социалистический Вестник. № 3/4 (763/764). Нью-Йорк. Март — Апрель 1962. С. 53). Трудно поверить, что она стала таковой исключительно за счёт своих научных и литературных достоинств. См. также об этом: *Г.М. Иванова*. Международные организации против принудительного труда в СССР (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // Российская история. М., 2006. № 6.

энциклопедическая формула А. Грациози о задаче и темпе такого формулирования, но всё это в контексте многолетних и предшествующих усилий «Социалистического Вестника» — лишь малая и поздняя надводная часть того айсберга характеристик «тоталитаризма», которые аккумулировал меньшевистский журнал, непосредственно интегрированный в «фабрики мысли» США.

Уже в 1946 году журнал продолжил активное обсуждение «тоталитаризма», расширив круг авторов за счёт других деятелей социалистической ориентации[115] (включая статью А.Ф. Керенского о «тоталь-

---

[115] В 1948 году это расширение круга «Социалистического Вестника» привело к объединению эмигрантских меньшевиков (лидеры: Р.А. Абрамович, Б.И. Николаевский, Д.Ю. Далин, Б.Л. Двинов), социалистов-революционеров (В.М. Зензинов, В.М. Чернов, М.В. Вишняк) и др. социалистов (в том числе Г.П. Федотов, А.Ф. Керенский, М.А. Алданов, М.В. Добужинский) в «Лиге борьбы за народную свободу», которая получила покровительство властей США (*П.Н. Базанов*. «Лига борьбы за народную свободу»: политическая и издательская деятельность // Из истории российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России 1941—2001 гг. Сб. ст. / Сост. Г.Я. Тарле. С. 159—160). Эта «Лига» ставила перед собой задачу «непримиримой борьбы с коммунистической тоталитарной диктатурой» (*Ю.Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский*. Через века и страны. Б.И. Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XIX века. М., 2012. С. 378).

ной коммунистической диктатуре»), идентичности режимов Гитлера и Сталина, популяризацию статьи Гильфердинга (специально для этого переиздали её[116]) в многочисленных новых откликах, оперирующих формулой «тоталитаризма»[117], — не только, видимо, для выяснения природы «тоталитаризма», сколько для утверждения своего доктринального приоритета, подкреплённого именем великого марксиста–ревизиониста, павшего жертвой нацизма, и контрфактического вменения ему «однопартийности», «партийной

---

[116] *Р. Гильфердинг*. Государственный капитализм или тоталитарное государственное хозяйство? // Социалистический Вестник. № 5 (585). New York. 22 мая 1946. Примечательно, что в специальном примечании редакция вновь акцентировала именно своё, партийное толкование его теории, говоря, что Гильфердинг даёт «своё собственное определение экономики однопартийных тоталитарно-диктаторских режимов» (С. 122).

[117] Например: *Б. Двинов*. Комфашизм // Социалистический Вестник. № 6 (586). New York. 21 июня 1946; *Д. Далин*. «Гулаг» // Социалистический Вестник. № 7–8 (587–588). New York. 20 августа 1946; *Б. Сапир*. Большевизм и меньшевизм // Там же; *Борис Гольденберг*. Критические замечания к статье Р. Гильфердинга «Государственный капитализм или тоталитарное государственное хозяйство» // Там же; Б. Николаевский. Теоретическое завещание Р. Гильфердинга // Социалистический Вестник. № 1–2 (593–594). New York. 3 февраля 1947; *Б. Николаевский*. Реставрация сталинизма // Социалистический Вестник. № 3–4 (669). Нью-Йорк — Париж. Март — Апрель 1954.

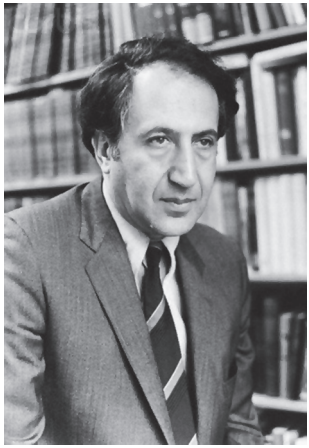
диктатуры», надгосударственной субъектности партии как стержня режима[118].

Именно этот партийный шаблон всё более проникал в прессу и риторику Запада, о чём вожди СССР узнавали немедленно и аутентично.[119]

---

[118] «Дуализм партии и государства и господство партии над государством являются характерными чертами тоталитарной системы (...) Это *институционализирование* правящей партии также является характерной чертой системы тоталитаризма» (*С. Шварц*. Компартия и государство (К 19-му съезду ВКП) // Социалистический Вестник. № 9–10 (656). Нью-Йорк – Париж. Сентябрь – октябрь 1952. С. 157).

[119] ТАСС с высшей оперативностью секретно сообщал из Парижа 21 декабря 1945 года, что журнал «Europe-Amerique» от 20 декабря на основе статей Р. Абрамовича в «Социалистическом Вестнике» пишет о фашистской природе сталинского режима. Корреспондент ТАСС сам проводил аналогию, цитируя журнал «Clarté» и приводя примеры Гитлера и Муссолини, что «фашизм в основном – это господство одного человека, опирающегося на единственную "партию"... Существование единственной партии фактически устраняет всякую оппозицию. Социальные, экономические и политические формы могут разниться по странам. Само существо фашизма в упразднении всяких иных партий, кроме правящей партии, и в назначении на все посты и на все ступени, будь то в правительстве или административных органах, или в армии, или в полиции – членов партии» (Информационные сведения ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 10 ноября



Ричард Пайпс

Вес интеллектуальной работы «Социалистического Вестника» в интеллектуальном продвижении доктрины «тоталитаризма» хорошо характеризуется и его претензиями на энциклопедическое освоение темы с указаниями на генезис понятия, в котором «наиболее авторитетным» признавалось суждение о нём Гильфердинга, опубликованное в этом же журнале. Об этом подробно писал здесь весьма авторитетный деятель социалистической эмиграции, правовед и исследователь практики коммунизма М.В. Вишняк (1883–1976). При широком распространении изобретённого понятия возникла необходимость установления его наиболее выгодного толкования, которое очевидно становилось всё более политиче-

---

1945–28 декабря 1945 // ГАРФ. Ф.4459с. Оп.38с. Ед. хр. 146. Л. 40–41). См. также совершенно секретное сообщение корреспондента ТАСС из Рима от 8 июля 1945 о статье «Иосиф Сталин» в газете «Quotidiano»: «Гитлер и Муссолини также создали диктатуру на основе единой партии» (Информационные сведения ТАСС, направляемые в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, МИД, 30 июня 1945–25 сентября 1945 // ГАРФ. Ф.4459с. Оп.38с. Ед. хр. 144. Л.8. Адресаты: лично только Сталин и Молотов).

ским. Вишняк – буквально одновременно с известной книгой Фридриха и Бжезинского и независимо от неё – предпринял самостоятельное исследование, указывая на первую историю термина у Муссолини, дополняя обзор утверждений Геббельса и Карла Шмидта, словарных определений «тоталитаризма» (с уже непременными указаниями на «партийную монополию») справками о его русских предвосхищениях (например, «тоталитарной национально-коммунистической державе» Г.П. Федотова). Его задачей было спасти «тоталитаризм» как приоритетное ныне имя для сталинизма, не останавливаясь перед скрытым адвокатированием нацизма и в общем мало интересуясь реальностью:

> «...и коммунисты пользуются выражением тоталитарное государство. Но называют они этим именем не своё, советское государство, а созданные в значительной мере по его образцу и подобию государства Муссолини, Гитлера, Перона».[120]

---

[120] *М. Вишняк*. Государство особого типа // Социалистический Вестник. № 9 (697). Нью-Йорк – Париж. Сентябрь 1956. С. 169–170. Пример того, как советская официальная наука относила характеристики тотальности, принудительности и мобилизации к современному ей *послевоенному* капитализму см. в книге: *И. Гольдштейн и Р. Левина*. Германский империализм / Под общ. ред. Е. Варга. М., 1947 (главы «Тотальное подчинение экономики монополистическому капиталу» и «Перевод хозяйства на военные рельсы»).

Тогда же и только тогда, наконец, вышел в свет труд Фридриха и Бжезинского, по логике исторического мифа и масс-медиа признанный теперь едва ли не главным мерилом и манифестом доктрины «тоталитаризма». Понимая время и историческое место появления это труда, нельзя не признать, мягко говоря, удивительным аттестацию, данную ему столь просвещённым историком России, советологом и американским политиком Ричардом Пайпсом, который назвал его «первым систематичным анализом диктатур левого и правого толка»: можно игнорировать двадцатилетние труды меньшевиков за их «несистематичность», но как американскому слависту делать вид, что не было до труда Фридриха и Бжезинского ни афористической книги Бердяева, ни великолепной систематической книги Вышеславцева, — я не представляю. Ещё скандальнее — на фоне выше изложенного — утверждение Р. Пайпса, что «первые исследования феномена тоталитаризма проводились почти исключительно немецкими учёными на основе их собственного национального опыта. Это объясняет преувеличенное значение, какое Ханна Арендт придаёт антисемитизму как атрибуту тоталитаризма».[121] К этому, видимо, почти автома-

---

[121] Все цитаты отсюда: *Ричард Пайпс*. Русская революция. Кн.3. Россия под большевиками [1994]. М., 2005. С. 310. Конечно, Р. Пайпс лукавит: ему хорошо известно, что, например, такой известный мюнхенский Институт по изучению истории и культуры СССР, действовавший под

тически прибавляется распространившееся в конце XX века, после падения СССР, убеждение, что некогда маргинальное и ультрарадикальное либертарианство было истинно правым в своём категорическом отвержении коммунизма и потому, апостериори, убеждение в том, что интеллектуальные инструменты ранней «холодной войны» США против СССР были поддержаны всей полнотой западной демократии и объединены знаменем либертарианства, в середине 1940-х выступившего авангардом не только экономической критики СССР, но светлой альтернативы его мрачному коммунизму. Исследователь возвращает и это заблуждение на землю:

> «Это был период, в течение которого Мизес и Хайек неоднократно выступали со своими критическими возражениями и интерпретациями. Однако в течение десятилетий их идеи оставались прак-

---

руководством и на средства ЦРУ США, имел хорошо выработанную программу исследования СССР как феномена «тоталитаризма», как минимум, одновременно с немецкими эмигрантами в США. Одновременно с книгой Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951) вышла в свет специальная работа этого Института, уже детализирующая отдельные сферы тоталитарной политики как целостного явления — и делающая это с высокой оперативностью. В связи с сочинением Сталина 1950 года о языке исследованию была подвергнута вся языковая политика большевиков после 1917 года: *Л. Ржевский.* Язык и тоталитаризм / Институт по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1951.

тически без внимания. (...) Их исследования редко встречали понимание за пределами либеральной традиции, но даже в её пределах их влияние часто было небольшим. Объективно говоря, в этот период популярность их идей была довольно ограниченной, и они воспринимались как фигуры, принадлежащие прошлому. (...) В связи с этим можно указать на то, что их критика тоталитаризма не достигла ушей историков этого явления...»[122]

---

[122] *Раймондо Кубедду*. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек [1993] / Пер. с англ. под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2008. С. 246.

Заключение

Основные тезисы якобы первичного изучения СССР, нацистской Германии и фашистской Италии, проведённого Фридрихом и Бжезинским оказались до крайности банальны, несамостоятельны и вторичны: руководящая идеология, централизованное и монопольное управление экономикой и её планирование, система террора и монополия единственной партии. Продолжая банализацию, даже исторически очень внимательный и образованный Раймон Арон (1905–1983)[123] не удержался от крайности и свёл «тоталитаризм» к «системе единственной партии», а гуру и патриарх американской славистики, много-

[123] *Раймон Арон*. Пристрастный зритель [1981] / [Ж.Л. Миссика, Д. Вольтон. Книга мемуарных интервью] / Пер. с франц. под ред. Б.М. Скуратова. М., 2006. С. 299.

летний директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон всё богатство своей библиотеки по истории и социологии XX века, конкретно по истории сталинского СССР, в своём самом главном и классическом, обширном труде по истории России свёл к формуле, которой не тесно будет даже в комиксе: «Для историка куда важнее, что тоталитаризм советского общества при Сталине логически следовал из ленинской доктрины партии»[124].

---

[124] *Джеймс Х. Биллингтон.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. Т. I. [1966] / Пер. с англ. под общ. ред. В. Скороденко. М., 2011. С. 526. См., яркий след этого «партийного» штампа даже в трансмарксистских ревизионистских вариациях о позднем СССР, в которых – против фактической истории – доминирует формула *партийной диктатуры*, почти заменившая формулу *тоталитаризма*: *Теда Скочпол.* Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая [1979] / Пер. с англ. С. Моисеева. М., 2017 (главы: «Возникновение партийного диктаторского государства в России» и «Возникновение мобилизующего массы партийного государства в Китае»). Едва ли не прямо таким гуру отвечает практический западный историк сегодня: «после архивной революции уже никак нельзя считать удовлетворительным широко распространённое в обществе (а отчасти и в научном сообществе) объяснение, предлагаемое теорией тоталитаризма. Согласно этой теории, сталинизм был просто закономерным следствием Октябрьской революции, рассматриваемой исключительно

После двух мировых войн и Великой депрессии 1920–1930-х считать экономическое планирование признаком «тоталитаризма» мог только крайний ультра-либертарианец. После Большого террора и Великой Отечественной войны считать сталинизм «диктатурой партии», настаивать на особом значении «партии» могли только внимательные ученики «Социалистического Вестника», которые так и не свели до конца свои счёты с большевиками.

Описание индустриальной и чрезвычайной реальности в категориях «партийной» доктрины «тоталитаризма» было наиболее значительным её отличием от давнего анализа индустриальной и модерной тотальности, позволяющей осуждать коммунизм-нацизм-фашизм, но адвокатировать капитализм. Но Большой террор 1937–1938 гг. фактически уничтожил в СССР коммунистическую партию как независимый институт власти, физически уничтожил несколько составов её высших органов управления, прекратил даже регулярные заседания её Политбюро, подчинив всю вертикаль власти лично Сталину и его совещательной

как захват власти партией большевиков, которая стремилась переделать общество в соответствие с собственной идеологией» (*М. Ферретти*. Генезис сталинизма: авторитарная модернизация, социальное сопротивление и репрессии // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. / Сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М., 2013. С. 121)

олигархии в лице неформальных «тройки», «пятёрки», «семёрки» разного времени. Но социалистический шаблон «партийной» (а не модерно-индустриальной, как у Вышеславцева) доктрины тоталитаризма, странным, а вернее — крайне ангажированным, образом отвергает общий исторический контекст обществ и экономик, которые претендует систематически описать такой «тоталитаризм». Общеевропейскому контексту исследований, критики, нелицеприятного самоанализа он партийно противопоставляет узкую агитационную задачу: *непременно интегрировать Гитлера и Сталина, а затем, после вынужденного антигитлеровского союза со Сталиным, похоронить режим Сталина так же, как Гитлера*. Эта «партийная» формулировка для центра мировой политики, противоборства и коалиций великих держав 1933–1953 гг., отражала, однако, не риторику такого противоборства, а внутреннюю партийную борьбу в СССР и вокруг СССР, и по своим мотивам не была даже интернациональной. А там, где природа индустриальной, модерной тотальности и тоталитарности находила непартийное описание, она даже риторически оказывалась не нужна для борьбы против Гитлера и Сталина, ибо в первую очередь принуждала к борьбе против тотальности капитализма.

Так «тоталитаризм» риторически отделился от реальности индустриального мира, стал партийной агитацией и вскоре вырос в острое оружие холодной войны против СССР гораздо более, чем против Китая и других коммунистических стран. Ибо, несмотря

на давний интернациональный смысл *тотальности*, прописи «тоталитаризма» были подготовлены на русской кухне. И вернулись в Россию как колониальный и провинциальный комикс, приобретя вес «последнего слова науки».

ОЧЕРКИ СТАЛИНИЗМА:
программа исследований М.А.Колерова

1. Социализм в одной стране: изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление (М., 2017)

2. Сталин от Фихте к Берия: Очерки по истории языка сталинского коммунизма (М., 2017)

3. Сталинский Анти-Аншлюс: национальные государства в СССР, 1920-1944. (Готовится к печати)

4. Принудительный труд и «второй центр» Сталина: военнопленные в стратегическом тылу СССР, 1944-1950. (Готовится к печати)

5. Тоталитаризм: Русская программа для западной доктрины. (М., 2018)

Содержание

Вместо введения.....5

Тотальность и либертарианское
клеймо «тоталитарности».....7

Ненужный диагноз тоталитаризма.....57

Русская партийная программа
для доктрины «тоталитаризма».....103

Заключение.....142

М.А. Колеров

ТОТАЛИТАРИЗМ

Русская программа
для западной доктрины

Обложка – Владимир Дмитренко
Вёрстка – Василий Востриков
Редактор – Максим Сурков

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
ЦИОЛКОВСКИЙ

Книжный магазин «Циолковский»

Философия, история, социология, богословие, научпоп, художественная литература, искусство, букинистика

Адрес: г. Москва, м. Новокузнецкая, Пятницкий пер. д. 8, стр. 1, 4 этаж.

www.primuzee.ru

(495)951-19-02

УДК 32:93/94+101.1:316
ББК 66.3(2Рос)12 +87.3(2)6
К60

Модест Колеров
К60 Тоталитаризм. Русская программа
для западной доктрины
М.: Издание книжного магазина
«Циолковский», 2018 г. — 152 с.
ISBN 978-5-9500361-8-7

Кто и зачем применил азбуку тотальности к утверждению тотальных, тоталитарных претензий власти, а затем — кто был назван «тоталитарным» и как это принято понимать — общедоступные словари объяснили давно. Но почему и как тотальность, тотальная война, социальный контроль и биополитика индустриального капитализма, детально и критически изученные и изучаемые до сих пор мировым общественным знанием, превратились в клеймо, инструмент политической пропаганды под именем «тоталитаризма», который по-прежнему преследует свободное исследование диктатур середины XX века в Германии, Италии и СССР?

ISBN 978-5-9500361-8-7

© Модест Колеров, 2018
© ООО «Книгократия», 2018